

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЁВ

НОСИТЕЛЬ

Владислав Жеребьев

НОСИТЕЛЬ

«Издательские решения»

Жеребьев В.

НОСИТЕЛЬ / В. Жеребьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532809-0

Мир после ядерной катастрофы не принес ничего, кроме боли и страдания. Развалившееся на куски общество рухнуло. Не сдерживаемый больше барьерами силовиков и моральных принципов бандитский извращенный социум решил прибрать все к своим рукам. Главный герой, зараженный страшным вирусом пресловутой «Супердряни», вынужден выбраться из своего бункера, и проделать нелегкий путь до спасительной лаборатории. На пути слишком много препятствий, успех операции спорен. Нужно выжить и выжить любой ценой.

ISBN 978-5-00-532809-0

© Жеребьев В.
© Издательские решения

НОСИТЕЛЬ

Владислав Жеребьев

© Владислав Жеребьев, 2021

ISBN 978-5-0053-2809-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Толик, мать твою, ну надо бросать жрать медицинский спирт без нормальной закуси. – Сказано это было Вахитовым в пустоту комнаты. Он открыл глаза, и нахмурился. Привычная картинка мира совершенно не вязалась с тем, что он увидел. Запущение, отклеившиеся обои, сырость и облупленная краска на потолке. Под боком что-то хрустнуло, Анатолий перевернулся на бок и уставился на выбитую дверь, которую кто-то сначала с толком вынес, а потом аккуратно прислонил назад. Вырванные с «мясом» петли, торчавшие внутрь комнаты, были ярким тому подтверждением.

Усевшись на матрасе, полковник огляделся, и новая порция разочарования отрезвила не хуже холодного душа. Он совершенно не помнил, где оказался. Последнее его воспоминание было сродни дурному сну. Люди в белых халатах носились по лаборатории, ларингофон разрывался криками. Везде и всюду гремели только два слова – эвакуация и радиоактивная опасность, и что-то еще, что-то такое, что похуже радиации может быть. Анатолий помнил, что он отдал распоряжение на закрытие бункера, подождав ровно столько, сколько указано в инструкции, после чего массивная стальная дверь запечатала лабораторию, и включились системы жизнеобеспечения. Волноваться по поводу харча и чистой воды было совершенно незачем. Бункер был подготовлен для высших чинов руководства компании, и потому расположиться получилось со всеми удобствами.

Вахитов какое-то время поглядывал на мониторы, куда транслировалась картинка внешнего мира, и был неприятно поражен тем, как стремительно меняется тот менялся, и как, раньше культурные и приличные люди, быстро скатываются до уровня дикарей. Вахитов был одинок, а вот оставшийся с ним лаборант Колизин, имел семью, и он же первый попытался разгерметизировать выход и убраться прочь. Разумеется, полковник этого ему не позволил. Через пару месяцев затворничества, лаборант сошел с ума и вскрыл себе вены куском стекла. Вскрыл правильно, вдоль, четырьмя длинными глубокими разрезами. Когда Анатолий нашел его в комнате отдыха, то Колизин уже успел окоченеть, а ковер под ним почернел от крови.

Полковник вновь оглянулся. Ни одежды, ни снаряжения, ни минимальной защиты. Из того что есть, трусы и пластиковые тапки, да эта чумазая подстилка, на которую без брезгливости не наступишь, не то, что голым телом прислонишься. Подойдя к единственному предмету мебели, шкафу, Анатолий открыл его и обнаружил одежду, принялся одеваться. Большая часть из того что нашлось, когда-то принадлежала женщине. Несколько платьев, пара коробок с туфлями на шпильках, пестрый жакет. Такое с собой в эвакуацию не берут, если конечно была та эвакуация. Нашлась и неожиданная радость, толстобокый пакет с ватными штанами и фуфайкой, и там-же, чуть подальше, на дне шкафа в углу, толстые резиновые сапоги. Выбирать было не из чего, и, обрядившись, Вахитов печально покачал головой.

– Рыбак, мать его.

Подойдя к заколоченному досками окну, Анатолий осторожно выглянул наружу сквозь щель и снова покачал головой. Широкая, некогда многолюдная улица, раньше оживленно ревевшая двигателями машин, гомонящими отдыхающими и громкой музыкой, теперь представляла собой весьма плачевное зрелище. Застывшие остовы автомобилей уродливо выста-

вили наружу открытые крышки бензобаков, и распахнувшие капоты. Большая часть авто была вскрыта, у многих отсутствовали колеса. Непереносимый смрад чего-то такого, что навевало ассоциации с разглашающимися трупами, донесся откуда-то со стороны подъезда. Горы пластиковых бутылок, и газетной мишуры до поры до времени дремали, дожидаясь сильного порыва ветра. На курортном северном городком зависли тяжелые свинцовые тучи.

– А это что за хрень?

Внизу, рядом с перевернувшимся грузовиком, угадывалось шевеление. Со стороны вроде неприметное, и видное только тренированному глазу. Неправильный силуэт, не бумага, не картон, не кусок грязи, а нога. Нога, завернутая в какое-то невероятно грязное тряпье. Ботинок прохудившийся настолько, что, похоже, и подошва отошла, а бедняга обмотал обувь куском изоленды или бичевой. Конечность втянулась за край кузова.

Полковник совершенно не понимал, в каком районе он находится. Лаборатория располагалась за городом. Подъехать к ней можно было по грунтовке, и в мирное время сотрудников отвозила до центра пестрая развозка с веселым водителем Гришкой. Гришка много шутил, пытался подкатить к лаборанткам и, что удивительно, пользовался у них популярностью. Однако, где теперь этот Гришка? Сгинул, небось, в этой кутерьме.

Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, требовалось найти того оборванца, и как следует с ним потолковать, а это полковник ой как умел. Выйдя из квартиры, он застыл на лестничной площадке, прислушиваясь, готовый в любой момент спрятаться внутрь, едва что-то нарушит это мертвое спокойствие. В доме было тише, чем в могиле. Где-то поскрипывала на ветру приоткрытая форточка, да и только.

Спустившись вниз, Вахитов остановился около выхода из подъезда, снова отчетливо понимая всю опасность. Несколько раз он видел на мониторах, как орудовали мародеры, видел дульные всполохи оружия, корчащиеся на площадке перед бункером фигуры, стремительно теряющие кровь и остатки жизни. Когда оборвалась связь, и информация перестала поступать, каждый начал выживать, как он умеет. Зачастую подобное умение было густо сдобрено насилием и рукоприкладством. Вот и сейчас, выйдя наружу, он рисковал попасть под пулю, и закончить свою жизнь совершенно бездарно, что, разумеется, в планы Вахитова совершенно не входило.

Забравшись под лестницу, он осторожно спустился в подвал, и снова убедившись, что тишина, царившая наверху, ничем не нарушена, добрался до узкого окошка, сначала одного, потом другого, последовательно их, обходя и осматривая, не приготовил ли кто «сюрприз». Для того чтобы покинуть здание он выбрал третье, удачно заблокированное стоящей почти впритирку машиной скорой помощи. Выгодно это было еще и тем, что оконце выходило во двор, за углом которого как раз и маячил незнакомец. В два приема Вахитов подтянулся наружу, подождал немного, и низко пригибаясь, пошел по кустам. Шевеление за автомобилем усилилось. Казалось, парень в рваном ботинке совершенно не боялся того что происходило вокруг. Это могла быть как откровенная смелость, та и непроходимая тупость, а может и то и другое одновременно.

На вид незнакомцу было не больше двадцати. Впалые щеки, траурные ногти на руках, которые он раз за разом погружал в пластиковый мешок, громко сопел прихлопывая, а потом вытаскивал пригоршню и отправлял ее в рот. По запаху это были какие-то объедки, или еще что похуже. Ни оружия, ни подручных средств защиты у человека не наблюдалось. Смущали только язвы на руках, да удивительно черные круги под глазами, делавшие его блуждающий пустой взгляд почти бездонным.

– Ты, дядя, не бойсь. – Оборванец вдруг уставился на Вахитова ясным цепким взглядом, да так внезапно, что полковника прошиб озноб. – Мы что, люди конченные. Жить нам не особо долго, слабенькие мы. Зурабушка спецом сюда харч привозит, чтобы мы к нему под бок не пожаловали. Каждую среду и привозит, благодетель. Померли бы давно, коли не он.

От незнакомца пахло калом и невымытым телом, да так густо, что Вахитова перекосило.

– Тебя как зовут, парень?

– Зяма, дядя, Зяма. – Блаженный расплылся в совершенно беззубой улыбке, показав воспаленные десны. – А тебя-то, каким боком к нам занесло? Тут же все заразные, дядя. Нас спецуево сюда свозят. Колючку поставили, бугаев Зурабушкиных. Харчи дают, и на том славно. Хочешь кушать, на...

Зяма запустил руку в пластиковый мешок и, вытащив оттуда, протянул горсть чего-то белого и шевелящегося. При виде такого угощения Вахитов едва подавил рвотные позывы.

– Нет, парень. – Просипел он. – Я сыт. Я тут к тебе с вопросом. Какой сейчас день-то, и что это за место вообще? Подгуляли мы с братвой, да вот они пошутили, тут меня оставили.

– С братвой. – Зяма пожал плечами и, отправив горсть сомнительного угощения в рот, задвигал челюстями. – Ты на Зурабовой земле. В лепрозории мы. Сюда всех заразных везут, почитай со всего края. Тут же поголовно Супердрянь, или не знал?

Зяма вновь растянул обветренные губы в ухмылке, показав обезображенный рот.

– Слушай, а ты не видел, может, кто ходил здесь?

– Зурабова братва тут не ходит. – Скривился увечный.

– А кроме них?

Зяма задумался. Даже перестал жевать. На секунду в его глазах промелькнул огонек.

– Был тут один, на тебя похож. Спешил очень, маску к лицу прижимал. Только тот в одежке был, с пятнами, да при оружии. Не то, что ты, дядя.

– Слушай. – Острая как бритва мысль пронзила сознание полковника. – Есть одна идея, но идея опасная. Я тебе тушняка отсыплю, прям от пуза. Поможешь?

Вахитов вернулся назад, уже не скрываясь. Было понятно, что нормальный боец, даже по острой нужде в эту дыру не сунется, обойдет крюком за три версты. Здесь, похоже, был лагерь временного пребывания зараженных, хоть и ссылались сюда все без разбора. Одно было не понятно. Держать под боком такую биологическую бомбу, вместо того чтобы привычными методами, по закону военного времени, враз решить эту проблему, было бы очень странно. Опять же, некий Зураб. Кто он такой, и почему вдруг имеет власть? Имя явно не славянское, и даже нерусское. Последние сведения в радиоэфире были о наступлении Талибана, но их вроде бы осадили. Неужто недобитки просочились? Дела.

Вахитов сел на матрац, и вдруг внимание его привлекла половица под окном. Лежала она ровно, очень, пожалуй, ровно. Ровнее всех остальных, пыльных, выгнутых, разбухших от сырости. Рядом с этой половицей была еще одна такая же, почти идеальная, и всего их при ближайшем рассмотрении набралось штук шесть. Присев на корточки рядом с подоконником, полковник подцепил ногтем половицу, и та на удивление легко подалась. Со вздохом облечения он достал из тайника пакет с одеждой, АКСУ, боекомплект к нему, и даже аптечку. Нашлась в тайнике и пара банок свиной тушенки, спички и складной нож. Но самой неожиданной находкой был диктофон. Новенький, панасоник, цифровой, еще с пленкой на передней панели. Повертев устройство в руках, Вахитов включил его, и на экране появилась запись.

«Один трек, двенадцать минут».

– Вот значит, как. – Палец сам нажал на кнопку воспроизведения и из динамика диктофона раздался голос. Собственный голос.

«Я, Вахитов Анатолий Петрович, семьдесят второго года рождения, кадровый военный, в отставке, бывший начальник службы безопасности исследовательской лаборатории АйСи Фармасьютиклз, в ходе вылазки был подвержен заражению того что теперь называют Супердрянь. Изначально в нашей лаборатории разрабатывалась некая универсальная вакцина, способная нейтрализовать любой активный вирус на тридцать календарных дней. Разрабатывалась она на базе антитота В-45. Это был спецзаказ от министерства обороны, и поверьте, деньги там

были не малые. Были там и чьи-то частные уши, но документация шла на уровне руководства, а наше дело сиволапое, служи и защищай. Служи хозяину и защищай его интересы, и только так это и надо понимать. В ходе разработки вакцины выяснилось, что вступая в контакт с вирусом, химикат вырабатывает антитела, искусственно копируя его слабую форму, а затем начинает вырабатывать иммунитет. Однако это не все. Сам препарат действует месяц, после чего выводится из организма, в то время как иммунитет испытуемого подорван, и применение препарата сопряжено с множеством осложнений, среди которых ретроградная амнезия. Моя запись обращена к полковнику Вахитову. Если ты слушаешь меня сейчас, значит, я действительно заразился и вынужден был применить вакцину на себе. Значит побочный эффект сработал, и у тебя не так уж и много времени. Очень скоро ты вновь почувствуешь себя плохо. Тебе следует принять таблетки из аптечки, строго по порядку, не перепутай. Одну большую белую, и две маленькие желтые. Только так и ни как иначе. Теперь вводный курс. Не знаю, сколько памяти у тебя оттяпала химия. На моторике это никак не отображается. Знания и навыки, полученные в ходе несения службы и личных тренировок, будут не затронуты, и это самое главное. В остальном все плохо. Бункер находится под Репино, на севере Ленинградской области в курортном районе, и тебе нужно добраться до местных лабораторий. Я несколько раз выходил на связь с неким Зулусом. Странный позывной, но да бог с ним. В разговоре, я упомянул о вакцине, и он обещал помочь.

– «Запоминай координаты, ибо нет этого города на карте, но если после ядерного удара тот же Питер с землей сровняли, да Кронштадт по кускам разнесли, то этого городишки на картах считай что нет, планы одни. С трудом получилось в архивах компании найти. Это крепость почти, некий наукоград со специфическими заказам. Называется Николаев, и по всем документам проходит как поселок городского типа, а вот по координатам его нет не на одной карте. Зулус к себе звал, хвастался, что стоит городок на воде почти, вид шикарный из-за забора, приличная охрана, внятная жизнь со всеми удобствами, без заразы и радиации. Но бог с ним, не это главное».

Потом произошло следующее. Бункер попытались взять штурмом, добрались даже до вентиляции, и я ушел по канализации, а дальше по технологическим туннелям, единственным известным мне способом. Разумеется, вакцину я забрал с собой, а все материалы по ней, и ее остатки, уничтожил. Хорошо ли это или плохо, решать будем потом. Люди, которые рвали цемент взрывчаткой, явно не на чашечку чая напрашивались, а воевать с ними мне было не с руки. Слишком их много. Пришла пора выбираться из своего укрытия, но дурная шутка вышла. Из бункера ушел, потом много топал, но не там и не так как хотелось. Вышел в том самом месте, где находится лепрозорий Зураба, этого изувера и извращенца с имперскими амбициями. Странный он, этот Зураб. Ясно, что не он тут главный, и поддержку имеет, но так все у него хитро сработанно, что царствует и хлопот не знает. С кем он ручкается и кто его подстраховывает, то дело десятое. Выбрался и налетел на зараженного, но коли бы он один по ходу пьесы был, так полбеды. Я успел добраться до центра квартала и организовать схрон. Его я обработал, и вколол себе, а точнее тебе, порцию сыворотки. Что делать дальше, решать будешь сам, ибо если ты слушаешь эту запись, то меня больше нет. Ты уж вытащи нас, полковник. Попытайся найти этого Зулуса. Если он хороший мужик, то поможет, если виноват в нападении и подставил тебя так мерзко, то ты знаешь, что делать. И да, я на всякий случай припрятал ватник и штаны с сапогами в шкафу. Надеюсь, ты не щеголял все это время голышом?

Несколько минут ушло на экипировку. Комбатовская гарнитура и рация перекочевали в разгрузку. Туда-же ушла аптечка. АКСУ оказался новенький, едва пару раз стреляный, и это было не очень хорошо. Новое оружие может привлечь лишнее внимание. Найденная изолента помогла замаскировать цевье и магазин, так что вышло вполне себе красиво. Привычная шнуровка берца сжала ногу, и это странным образом успокоило. Не привык Вахитов ходить

в гражданской обуви. Было в ней неудобно, и как-то очень легко. Привычная тяжесть мягкой каучуковой подошвы и стальные вставки могли сойти даже за оружие. Если собрался драться, то одень обувь потяжелей. Кулаком можешь не дотянуться, а вот дать противнику в коленную чашечку хорошим богатырским пинком, это почти панацея.

Фокус этот, конечно, проходил с дилетантами. Серьезный боец вряд ли допустит противника до собственных ног.

Проверил запас тушенки и, решив, что надо выдвигаться в город, Вахитов, а по-простому Ваха, как позывной, понял, что совершенно не представляет, куда ему двигаться. Таинственный Зулус оставался вне пределов досягаемости, и до города, возможно, нужно было топтать не один день, проходя по спорным, а порой и откровенно враждебным территориям, обходя загрязненные радиацией участки. Найденный среди прочих вещей дозиметр мог в этом деле очень помочь.

Выбравшись на улицу, Вахитов подозвал копошащегося в мешке Зяму.

– Заработать хочешь?

Тот скривился сначала, но при виде банки тушенки в его глазах зажегся неопишущий восторг. Оборванец сглотнул жадно, руки затряслись, казалось, его даже мелкой дрожью бить начало, но это могло и показаться. Мало ли, на что еще способна эта безымянная вакцина.

– Что делать надо? – Сглатывая слюну, поинтересовался новый знакомый.

– В город надо, как незаметней.

– Эээээ... Зяма вдруг потерял всяческий интерес к вождьленному угощению и вновь погрузился в изучение объедков. – Нельзя, дядя. Не пустит тебя Зураб. Сюда-то, кто хочет, а назад никак.

– Слушай, не юли. – Вахитов нахмурился, опасливо поглядывая по сторонам и не спеша выходить из-под защиты перевернувшейся машины. – Я вообще не помню, как здесь очутился.

– Дивно, что очутился. – Зяма забулькал, закряхтел и в этом искаженном звуке полковник к удивлению своему, узнал смех. – Местечко это кличут лепрозорием. – Пустился в пояснения оборванец, иногда все-же бросая жадный взгляд на зажатую в кулаке Вахитова консерву. – Тут стена вокруг, метра три, поверху колючая проволока идет. Электричество. У Зураба его неприлично много, и он им пользуется, как хочет. Периметр обходят злобные мужики, с собаками. Кто лезет через забор, на тех псов спускают, ну или стреляют без объявления войны. Хочешь жить, сиди и жри объедки. Эта часть города Зурабова, другая что-то вроде свободных территорий. Рыночек там, девочки, дурь всякая. Говорят, даже шашлык делают. Один наш его даже нюхал. Вкусно, говорит.

– Слушай, Зяма...

– Что, дядя?

– Зови меня Вахой.

– Хорошо. Так что, дядя Ваха?

Полковник покачал головой.

– Я вот в толк не возьму. Чего это Зураб такой красивый, со всех сторон. Что он вас тут держит, задарма кормит? Вы ему никакую работу не выполняете?

– Тише! – Зяма вдруг напрягся, потеряв интерес к консерве и мусорному пакету. Глаза его тревожно забегали. – Идут, прячься.

Вахитов не привык обсуждать команды вроде «вспышка слева». Если прозвучала, то падай мордой в грязь в противоположном направлении, а уж потом по ситуации. Схватив Зяму за воротник, полковник втащил того в подъезд. Тут же, отражаясь эхом по пустым улицам, послышался гул дизельного двигателя. Ваха тренировался в таких делах, слушал всегда внимательно. Как-то в прошлом на вооружении стояли только дизельные движки, и малейшее появление бензинового, могло повлечь нешуточные проблемы. Чтобы разбираться в звуке двигателя, нужно было понимать минимальную историю его работы. Бензиновый двигатель в отли-

чие от своего дизельного собрата, формирует топливовоздушную смесь дольше, и детонация происходит от свечи, когда температура сжатой смеси достигает пятисот градусов. Это более бесшумный и износостойкий агрегат. Дизель же, детонирует смесь самостоятельно, добиваясь девятисот градусов, и насыщение происходит быстрее, и рев мощней, и цокот иногда слышен характерней. Вот то, что ехало сейчас по улице, явно работало на дизельном топливе.

Звук работающего двигателя был слышан издали. Люди, что управляли транспортным средством, были либо слишком уверены в себе, либо совершенно не опасались последствий.

Минут через десять показался и сам виновник переполоха, тяжелый трактор Катерпиллер, прошедший приличную модернизацию. Вместо стекол кабину машины закрывали толстые стальные листы. Такая же модернизация постигла бензобак и прикрыла колесные арки, спрятав сами колеса почти до основания. Наезжая на камни и железки, такое прикрытие издавало визг стали, едва ли не громче работы самого двигателя.

Ковш машины был поднят высоко вверх и загружен мешками.

Трактор остановился, однако двигатель не выключили. Раздался оглушительный шум динамиков, и ехидный голос с надрывом, поделился через громкоговоритель.

– Эй, басота, харч привезли. Разбирай кто смелый, а то все вкусное назад заберем.

– И в чем прикол? – Нахмурился Вахитов, но Зяма указал на улицу.

– Смотри, дядя. Это егеря зурабовы. Они с харчем приезжают. Чаще просто сбрасывают, по головам считают, но тут кажись не тот случай.

Вахитов решил вникнуть в ситуацию и, устроившись поудобней напротив узкого грязного окна подъезда, стал наблюдать. Позиция тут была со всех концов выгодная. Часть транспорта рядом с домом перегораживала улицу, так что подойти к подъезду незамеченным было совершенно невозможно. Кусты и деревья, еще не пущенные на дрова, остались тут чудом и тоже способствовали маскировке. Мешали они и обзору с соседних домов. Увидеть тебя, к примеру, снайпер мог только тогда, когда ты высунешься из того окна по пояс, да орать начнешь, привлекая внимание. Чудесная мертвая зона. Гуляй не хочу. Да и потом, отсюда было отчетливо видно сам транспорт, а вот водитель, и почти наверняка находившийся внутри экипаж, из-за бьющего в глаза солнечного света, и особенностей рельефа, полковника увидеть просто технически был не в состоянии.

– Ну что, басота, никто жрать не хочет? – Голос стал раздражительным. – Мы-то что, сейчас развернемся, да поминай как звали, а вы жрите тут друг друга.

Из заброшенных домов начали появляться люди. Больные, оборванные, с виду бичи бичами. Шли они неуверенно, с опаской. Кто-то дергался при ходьбе, другой подволакивал ногу. Здоровых тут не было по определению.

– Вот то-то же, басота. – Голос в громкоговорителе смягчился. – Хавайте, да Зураба благодарите.

Ковш накренился, и пакеты с обедками начали вываливаться на мостовую. Толпа занервничала, заголосила, кто-то заорал истерично, и обезумевшие от голода оборванцы бросились к сомнительному угощению. Один из них, самый резвый, вдруг замер на секунду, и упал, приложившись лицом об асфальт. Его примеру последовал еще один. И еще. Отблески на стекле мешали, но Вахитов различил ствол ружья, бывшего из импровизированного триплекса. Ружье было духовое, и потому бесшумное, но свое дело оно делало, исправно посылая в жертву дротик.

– Вот. – Зяма указал на лежащие на земле тела. – Они их усыпляют, а потом увозят. Когда забирают, когда нет. Если никто не выйдет, так вовсе могут развернуться и уехать. Каждый раз по-новому.

– А куда увозят этих людей?

Услышать ответ Вахитов не успел. Грохнула автоматная очередь, и все кто остались на ногах, стремительно разбежались в укрытия. Дверь трактора отворилась, и из кабины выбра-

лись два крепких мужика в костюмах РХБЗ. Третий остался в кабине, выставив в прорезь в стали ствол автомата. Помогая друг другу, мужики принялись сгружать тела в пустой ковш, после чего снова исчезли под защитой стали, машина развернулась, зацепив боком и перевернув легковушку, и так же неспешно покатила прочь, оповещая ревом двигателя округу.

– Говорят много. – Зяма поежился и поплотней закутался в лохмотья. – Но никто еще не возвращался. На тот свет это дорожка, дядя. Какой бы ты больной не был, да сколько не осталось, все жить охота. Пускай и так. Я же что, другой жизни и не знаю. Я уже тут вырос, считай. Слышал байки про телек, да море теплое. Магазины что жратвой забиты, они вроде лавок, только харч там был самый удивительный. Были, говорят, и места, где микстуры разные можно было взять, коли приболел.

Вахитов пожал плечами. Мир действительно сильно изменился с момента катастрофы. Радикально пугающе поменяв полюса. Привычные вещи, которые считались само собой разумеющимися, вдруг попросту исчезли. Излишества вроде теплых полов, кондиционеров в машинах, десяти сортов зубной пасты или ролика на ютубе, теперь казались сказкой, становились туманными и неправдоподобными. Им на смену пришла иная реальность, жестокая и скотская. Кто сильнее, тот и прав. У кого ствол в руках, тот и командир, бог и правитель. Тот же Зураб, наверное, бывший зек, или того хуже, в мирной жизни небось магнитолы по машинам тискал, а теперь нате, поднялся, сколотил банду, набрал вооружения, технику, откусил себе шмат земли и теперь тут правит, наплевав на мораль и приличия.

Валить напролом не стоило, и потому Вахитов решил дожждаться темноты, а чтобы проводник не нервничал, полковник выдал ему банку обещанной тушенки. Когда стемнело, стало особенно жутко. Все вокруг теперь и вовсе выглядела уныло и заброшено. Темные провалы окон дома напротив, большая часть которых лишена стекол. Ни огонька, ни движения занавески, не шума футбольного матча по телевизору, проникающих в тишину двора через открытую форточку. Ночь была выгодна еще и тем, что парни Зураба тут передвигались совершенно без стеснения. Если бы дело было на чужой территории, то они, наверное, побереглись.

Остро не хватало ПНВ, да и вообще, многих вещей, которые бы, поразмыслив здраво, Вахитов прихватил бы из убежища. Не было броника, даже самого простого класса, чтобы имелась минимальная защита от ножа в спину. Отсутствовал шлем, и гранаты, как боевые, так и фосфорные. Боекомплект был скуден до безобразия, так что предстояло беречь буквально каждый патрон. Вместо приличного тактического ножа, имелся складной, но таким толком не поработаешь. Таким лезвием только матерные слова на скамейке в парке вырезать.

Подождав пока стемнеет, полковник и Зяма двинулись в путь. Парень знал тут каждый угол, благо провел достаточно времени, чтобы как следует изучить местность. Пока шли, он даже небольшую экскурсию устроил.

– Вот тут, дядя Ваха, библиотека был, с книжками разными. Туда люди приходили читать, ты представляешь! – Смешок через силу. Видно жирная сытная пища ударила по ослабленному пищеводу и поджелудочной, но оборванец подавил рвотные порывы, не собираясь расставаться с таким богатством. – А вон там раньше детский сад. – Палец с траурным ногтем указал на приземистое, двухэтажное здание, огороженное невысоким сетчатым забором. До сих пор там осталась горка песка, железная лесенка и грибок, крыша которого была обита листовой жестью. Все же деревянные части видимо ушли на обогрев.

Вахитов шел за проводником, след в след, больше по привычке. Осторожность совершенно не мешала. Пару раз Зяма огибал очевидно прямые и открытые участки. На немой вопрос полковника, пожимал плечами.

– Мины, дядя. Тут же целая машина влезет. Чтoб чужие не катали, если вдруг сюда попадут. Зураб, он ведь голова. У него же большая часть зданий заминирована. Три дня назад, ста-

рик Прохор полез в квартиру, его и накрыло. Морду порвало так, что мама не узнает. Протянул потом не долго.

На дорогу ушло больше времени, чем ожидалось. Зяма бахвалился что в два счета доставит Вахитова к периметру, чтобы тот воочию убедился, что из лепрозория хода нет, а пришлось пробираться к месту почти четыре часа.

– Все, пришли. Дальше я суваться не буду. Голова дорога. – Оборванец остановился в тени дома. Выбравшаяся из-за свинцовых хмурых туч луна, конечно помогла ориентироваться, но и эффект скрытого передвижения улетучился.

Вахитову тут было не по себе, с самого начала, с самого первого шага босыми ногами по грязному полу. Это был не его мир. Он помнил другой, уютный и теплый, с холодильником и футболом, рыбалкой и телефонными разговорами со знакомыми и друзьями. С супругой полковник развелся, ушла она к другому, помоложе да побогаче. Дети давно выросли, и выпорхнули из родительского гнезда. В момент катастрофы с ними не получилось связаться, и Ваха предпочитал думать, что просто потерял с ними связь, вместо того чтобы предполагать самое худшее.

Этот город, разрушенный, горелый, был витриной нового порядка. Вспыхивающие вирусные заболевания, болезни вроде оспы или коклюша, которые давным-давно победили, теперь снова набирали силу и косили народ. Не было ни лекарств, ни привычных средств связи. Ничего. Точнее нет, не так. Были они конечно, но ровно у тех, кто мог себе это позволить. У Зараба того же наверняка был и доктор, и, как показала практика, колесный транспорт, а так же горючка чтобы его заправлять.

Вахитов смотрел на высокую бетонную стену, строили которую явно не один день. Метров пять в высоту, плиты прилегали друг к другу, стоя на широком основании. Гладкая поверхность не позволяла за что-либо зацепиться, но не только в этом была беда. Внутри периметра смотрели стальные скобы, поверху которых шла егoза.

– Вот, смотри. – Оборванец поднял валяющуюся под ногами железку, и с удивительной для собственного состояния силой, швырнул ее на проволоку. Та тут же рассыпалась всполохом искр. – Не пройти. Пытались, и пытались многие, когда понимали что происходит. Зураб-то сначала горы золотые обещал, да реки кисельные. Кормежка, уход, достойное существование. Я вот, дядя, не то чтобы раньше лучше жил. Всякое бывало, но для многих это манна небесная. Кто их возьмет в подмогу, коли увечный да больной. Хоть сразу ложись на землю, да помирай с голоду.

Полковник поморщился. Выбраться отсюда была не так-то просто, как казалось на первый взгляд, однако сам-то он как-то сюда прошел? Проклятая амнезия в этот момент мешала особенно сильно.

– А если канализация? – Выдал он вполне логичный ответ.

– Мины дядя, мины и радиация, будь она неладна.

Зяма в растерянности развел руками. – Отсюда один выход, и такой, какой ты видел. Тебе выбирать.

Когда провиант начал заканчиваться, а заставить себя жрать помои полковник просто не мог, он решил действовать. Прорываться с боем смысла не было, верный способ одеться в деревянный макинтош. За ту неделю, что Вахитов прожил в лепрозории, тщательно избегая контактов с местными и употребляя таблетки по собственному назначению, он о многом думал и планировал. Украдкой, где ползком, а где короткими перебежками, он обошел периметр зачумленного места и даже нарисовал его карту, но это не помогло. Везде где проходил забор, ничего пригодного для того, чтобы безболезненно перемахнуть такую высоту, не было. Деревья и кусты по периметру были спилены, а те здания, что стояли относительно близко,

либо заминированы, либо взорваны. На всю эту историю Зурабу понадобилось масса ресурсов и человеко-часов. Поняв, как обстоят дела, Вахитов даже начал уважать мерзавца за качество и рациональный подход.

Люки, ведущие в канализацию, тоже хранили массу сюрпризов. Те, что на открытом пространстве, были наглухо заварены. Видимо электродов, или чего там еще, не хватило, а может другие причины были, но процентов десять стояли на минах, или растяжках. И то, и другое можно было конечно обезвредить, но опыт разминирования у Вахитова был скромный. Он умудрился снять одну РГД-5 и спуститься в коллектор, но пройдя с десятков метров, уперся в запертую стальную дверь. Вскрыть ее не было ни малейшей возможности, разве что взорвать.

Выход был один, и он был очевиден, попасться на удочку и быть погруженным в ковш Катерпиллера, но эта история была чревата потерей хорошего снаряжения и оружия. Время шло, умирать не хотелось, и чем-то пришлось жертвовать. Лучше расстаться с АК, чем с жизнью.

Прежде всего, стоило замаскироваться. На фоне остальных «живчиков» Вахитов цвел и пах, будто роза в дендрарии. Пришлось распрощаться с одеждой и найти себе что-то из тряпья. Первое, что сделал полковник с одеждой, это прокипятил ее в тазе с водой, добавив туда марганцовку из аптечки. После этого высушил, и уж чтобы совсем подстраховаться, повесил над огнем, для того чтобы прогрелось и пропахло дымом. Кусок резины сделал свое дело, а немного чернозема и порция отработанного машинного масла, слитого из поддона картера ближайшего автомобиля, окончательно довершили образ. Лицо и руки замаскировались сажей. Пришлось зачернить и зубы, куда уж деваться. Новая ходка трактора не заставила себя долго ждать.

Ближе к концу недели транспорт появился вновь, и голос из репродуктора принялся заывать увечных, не забывая заодно унижать и нецензурно оскорблять. Вахитов наблюдал за машиной из укрытия, засев в салоне перевернутой шестерки. Автомобиль, похоже, попал в аварию. Стекла были треснуты и побиты, передний бампер, левая фара и крыло фактически смяты в комок. Часть двигателя вошла в салон, переломилась рулевая колонка, так что внутрь места было немного. Единственным удобством было выгодное местоположение покореженного авто, да заранее протоптанные пути отхода.

Когда первый мешок упал на землю, Вахитов дождался появления самых нетерпеливых. Из подъезда панельной пятиэтажки выскочил кособокий тип. Одежду ему заменил холщовый мешок, подпоясанный веревкой, а на ногах вместо обуви были приспособлены пластиковые бутылки. Следом за ним рвануло косматое нечто. С первого взгляда, полковник даже подумал, что это собака. Передвигалось существо на четвереньках, но так проворно, будто бы родилось с этим умением. Косматая грива и заросшее лицо с длинной бородой, издали делали человека похожим на дикого зверя. Очень скоро выяснилась и причина странного поведения. Косматый оказался инвалидом. Ступни обеих ног у него начисто отсутствовали. Были, наверное, какие-то протезы в свое время, да сломались, а починить некому. Двух претендентов было более чем достаточно, и, выбравшись из салона автомобиля, Вахитов бросился к мешкам, припадая то на левую, то на правую ногу. Чтобы уж совсем вжиться в образ, он попытался изобразить такой неприятный недуг, как церебральный паралич. Похоже, сработало. Бойцы Зураба не ждали подвоха. В узкую прорезь стального листа показался ствол духового ружья, и что-то воткнулось в плечо. Затем пустота, тишина и покой. Будто свет выключили.

Применение сильного снотворного, как правило, сопровождается неслабыми спецэффектами, и если сон полковника был безмятежен и спокоен, то пробуждение показалось сущим адом. Голова трещала, внутренности будто кто-то на кулак наматывал. Ныли зубы, и во рту стоял привкус железа. Слабость сковала тело, так что сейчас Вахитов был не в лучшей форме, чем зараженные. Открыв глаза, он понял, что все может быть еще хуже. Над головой, чуть ли

не в метре, оказались добротно сколоченные доски. Такая же история по бокам, а вот под ногами голая земля. Пахло густым запахом рвоты и мочи.

Рука скользнула к резиновому сапогу, под стелькой которого прятался складной нож. К удивлению и облегчению он оказался на месте, а вот следующее обстоятельство совершенно не понравилось. Другая нога оказалась заперта в кандалы, цепь от которых крепилась к стальному тросу. Один конец троса был зафиксирован на врытом в землю стальном штыре, а второй уходил в пропиленную дыру в стенке. Присмотревшись, полковник понял, что это небольшие ворота, выбраться из которых можно только на четвереньках. Да и сам ящик оказался настолько мал, что выпрямиться в полный рост было невозможно, обязательно приложишься о доски головой.

Неосторожно дернув ногой, Вахитов за что-то потянул, и тут же раздался звук колокольчика.

– О, еще один очухался.

Дверцы конуры распахнулись, и в лицо полковника ударила струя воды. Поливали похоже из брандспойта. Гидроудар был такой силы, что Вахитова откинуло на стенку, и ударился затылком. В глазах вспыхнул сноп искр, и острая боль прошла по позвоночнику.

– Оживай, волчья сыть. – Из-за пелены воды раздался ехидный смех. Человек подававший воду, получал от этого какое-то свое извращенное наслаждение. – Харю помоешь, небось чистой воды сто лет не видывал. А с мордой чистой и помирать не страшно.

– Ах ты тварь. – Полковник рванул наружу, но тут же получил удар электрическим током и снова свалился на землю. У негодя оказался под рукой электрошокер. Как он его сохранил, и чем заряжал, было совершенно не ясно.

Двери снова захлопнулись. Вахитов попытался отворить их, но что-то тяжелое и громоздкое не позволило ему распахнуть створки даже на миллиметр. Послышались шаги, и тут же кто-то заскребся в стенку.

– Дядя Ваха, ты тут!

– Зяма, твою мать. Только тебя мне сейчас не хватало. Ты же знаешь, чем это закончится!

– Э нет, дядя Ваха. – Голос шел из щели в досках. Видимо будки с заключенными стояли рядом, а то и вовсе имели общую перегородку. – Мне то житье поперек глотки. Я будто мертвец. Живу в хлеву, умру как мешок с мусором, а потом, если не сгнию, то свои же и распилят по кускам.

Осознание того, что бывает и людоедство, совершенно бытовое и вынужденное, прямо у тебя под боком, резануло сознание полковника острой бритвой.

– Вот я и решил с тобой рвануть. – Продолжал оборванец шепотом. – Тут жизни не будет тоже, но ты же вроде военный, знаешь, что и как подковырнуть, а когда рвануть решишь, меня не забудешь.

– А с чего ты взял, что я тебя возьму? – Удивился Вахитов. Идти в Николаев вдвоем было крайне недальновидно, но нужен был напарник, а не обуза, а Зяма ей, к сожалению, и являлся со всеми своими физическими недостатками.

– А потому, дядя Ваха, что я порядочных людей издалека вижу. Не сможешь ты меня бросить. Я же тебе в лепрозории вон как помог. Так бы ты сунулся под ковш, да пулю в голову схлопотал, или рано или поздно порезался бы чем, да приболел. Мне-то и надо, что кусок мяса, да глоток свободы. Чтобы не взаперти помереть. Ты уж поверь, дядя Ваха, мне недолго осталось.

– Тише.

С другой стороны будки послышалось шевеление.

– Эй, ты кто, брат по несчастью?

– Лелик меня кличут. – Надтреснутый голос показался совершенно безжизненным, будто человек отвечал по инерции.

– Тебя тоже поймали?

– Нет, из встрявших я. Второй день на цепи сижу.

– Что ж так. – В первый раз за несколько лет, полковник получил возможность поговорить, а главное узнать что-то, у человека, не являющегося больным или зараженным.

– Да вот, Зурабу проштрафился крепко. – Нехотя поделился невидимый Лелик. – Не платил ходку, решил себе немного денежек оставить, а меня на бега, как чумного.

– Какие еще бега? – Напрягся Вахитов.

– Ну, бега. – Звук, донесшийся из-за досок, был чем-то средним между кашлем и смехом. – Бега, цепь видишь на ноге?

– Вижу.

– А трос видишь?

– Вижу и трос, и столбик.

– Можешь подергать, не выйдет. Я видел, как эти тросы крепили да столбики ставили. Он метра на полтора в землю, бетоном залит, на случай если бегун жилистый попадет, так что, мужик, если не хочешь сдохнуть, береги силы.

– Да что за бега-то такие, в толк не возьму? – Напирал полковник, понимая, что ответ ему совершенно не понравится.

– Развлечение для мажоров. Туго тут со зрелищами, понимаешь? – Лелик на секунду замолчал, и к механическому голосу присоединились тоскливые нотки. – Мы где стоим-то, в недострое. Тут толком-то ничего и нет, не речки, не озерца. Лес вокруг. Зато чисто, очень чисто. Зураб в свое время эту тему приметил, вот и сколотил банду. Почистили они зону, возвели забор, выставили с десятков вагончиков. У них там подстанция, питаются они откуда-то, а откуда не ясно. Все, кто лезут, просто спросить даже, тут же пулю в голову получают. Теперь там живут те, кто может себе это позволить. Другие же в обслуге. Я вот караваны водил, проводником. Те, что не по тракту прут, тем мои услуги нужны были. Сюда просто так и не пройдешь, болота да грязь. Много заразных, а я дорогу знаю, легкую. Каждую неделю проверяю, делаю поправки, точнее делал.

Лелик вдруг запнулся на полуслове и затих, видимо, посчитав, что закончил свой монолог.

– Так что за бега? – Снова потребовал ответа Вахитов.

– Я же говорю, развлечение. Когда откроют, сразу все поймешь, а если кратко, то мерзость. Я-то такое не поддерживаю. Длинный ангар, в нем будки, в будке по человеку, и трасса по тросику. Надо добежать до конца ангара первым и залезть на столб.

– И это все? – Задача показалась подозрительно выполнимой.

– Все, да не все. Зураб собак держит, их специально на людей натравливают и мертвечинной кормят. Они, наверное, кроме человеческого мяса, ничего в жизни не видели. Вот этих собак с цепи и спускают. А вокруг народ сидит, из гостей, да чистых. Ставки значит делают. И не в слепую будут делать, сначала тебя народу покажут, мол, чтобы знали, на что идут их харчи и патроны. Обычно патронов по десять ставят на забег, или пару банок консервы, но бывало такое, что ящиками да цинками. Был тут один мальй, жилистый. Три недели держался. Собаки его покусали прилично, а он все бегал и бегал. От заражения крови, наверное, помер. Жил как раз в твоей будке.

Вечером, наверное, это был вечер, так как Вахитов перестал ориентироваться во времени, принесли еду. В приоткрывшуюся створку просунули пластиковую миску с мутным варевом и кусок чего-то, что оказалось жестким и неприятным на вкус подобием хлеба.

– Уже хорошо. – Произнес Ваха, оценив качество предложенного угощения. – Не черви, не гниль.

Как бы отвратительно варево не было, нужно было поддерживать силы. Переборов брезгливость, полковник осушил миску и прислушался к ощущениям. В животе забурлило, но не критично. В жиже даже попалась пара ломтиков картофеля, невиданная роскошь.

А вот Зяма, похоже, получал искреннее наслаждение. Урчание и сопение за стенкой, перемежавшееся с нецензурными восклицаниями, было тому подтверждением. Чуть позже створка вновь распахнулась.

– Миску. – Потребовал хозяин все того же голоса, что ранее сопровождал удар током. – Ногой подвинул, наружу не соваться, а то покалечу.

В луче фонаря, бьющего в глаза, Вахитов заметил неясный контур, тяжело нависший над воротцами. Поспешно закрыв глаза рукой, он выпихнул пустую посуду, и наблюдал, как исчезает свет, сначала за створками, а затем за чем-то массивным, опустившимся сверху. Видимо был какой-то механизм, опускался он совершенно бесшумно и блокировал выход. Без шансов, в общем, только жди, когда сами выпустят, да и куда? На трассу, перед собаками, да с колодкой на ноге?

Ночью Ваха проснулся от того, что отчаянно хотелось в туалет, но ничего подходящего не было. Ни утки, ни дырки в земле. Запах нечистот ни с чем было не перепутать. Выходило, что придется слабиться тут же. В то, что можно попроситься до ветру, просто постучав среди ночи в стенку, не верилось.

Проснулся Вахитов от того, что вокруг было необычайно шумно. Гул толпы стоял такой, будто он оказался на стадионе. Даже музыка играла, совершенно незнакомая правда, но орала будьте нате. Соседи по будкам тоже пробудились и сейчас шуршали в своих конкурсах. Вывод напрашивался сам собой, намечались очередные гонки, в которых волей-неволей придется принимать участие. Идея с побегом теперь казалась не такой уж и удачной. В лепрозории, по крайней мере, тебя не травмировали бешеными псами-людоедами.

Сипел неразборчиво громкоговоритель, потом что-то зашуршало, и звук стал настолько четкий, что можно было выделить слова. Внезапно распахнулись створки, в проем просунулся багор, подцепил цепь и вытащил Вахитова наружу. Тоже произошло и еще с четырьмя. Изможденные, грязные, дурно пахнувшие, они в панике озирались на трибуны, заполненные разношерстной публикой. Люди с баграми сделали свое дело и спешно ретировались в калитку, которую закрыл рослый мужик с автоматом. Он же присматривал за тем, чтобы гончие не вздумали напасть на его людей. Атмосфера будто с ног сбивала, мысли путались, в голове крутилась какая-то белиберда. Волнами подступавшая паника сдавила стальными пальцам горло, и стало не хватать воздуха.

Сидевшие на длинных скамьях, за забором люди, выглядели по-разному. Когда глаза привыкли к свету, Вахитов наконец смог осмотреться и оценить обстановку. Мужчины, гладко выбритые, женщины, разряженные и с завивкой, молодые и старые, публика расселась фривольно, и шумно обсуждала предстоящее развлечение. Все действие происходило в ангаре. Свет из окон падал на лица собравшихся, оставляя на них блики, и разукрашивая эту алчущую крови толпу.

Длинный трос тянулся от каждой будки и упирался в стенку со стальными скобами. Всего тросов было десять, видимо по числу бегунов, но их, похоже, не набралось должное количество, и организаторы вынуждены были выставить урезанный состав. Вдалеке на втором ярусе, под потолком, видимо были именно они. Крепкие ребята, спортивного вида. Затылки бритые, потасканные, но годные спортивные костюмы, бронежилеты и разгрузки в наличии. Все без исключения были вооружены. Особенно выделялся высокий, худой как скелет мужик, с выдающимся кавказским носом. Лысый череп его посверкивал в солнечных лучах, тяжелый подбородок едва ли не уродовал лицо. Это видимо и был тот самый Зураб, что держал здесь

все в кулаке. Крепко засел, гаденыш, окружил себя прихвостнями. К такому не так-то просто и подобраться.

– Дамы и господа, спешите делать ставки. – Вновь раздался голос из громкоговорителя. – До нашего соревнования осталось совсем мало времени. Поспешите. Тотализатор закрывает прием ставок за пять минут до забега.

Из-за закрытой калитки, послышался надрывный собачий лай. Вахитов обернулся, прикинув расстояние от собак, до финишной прямой, где сходились в один жесткий пук все тросы. Тут-то вот и заключалась одна из проблем. Победу придется выцарапывать зубами. Чем ближе ты к спасительным скобам, тем ближе твой соперник, и в какой-то момент он возьмет да станет тебе врагом. Тут уж не забалуешь, не начнешь миндальничать. На кону собственная жизнь.

– Внимание, мы начинаем...

Вахитов побежал, побежал что есть духу. Следом за ним устремился вчерашний торговец, провинившийся перед Зурабом, но силенок у него было поменьше, и он приотстал. Чуть поодаль несли еще один несчастный, прихрамывая на левую ногу. Этот точно не жилец. Если все что сказано о питомцах Зураба, правда, то до него точно дотянутся. Но Зяма, Зяма где? Да вот он, кусок идиота, плетется в самом конце. Вот тебе и ново дело – поп с гармонью. Такого, конечно, быть не могло, но рев громкоговорителя и штормовые звуки толпы перекрыл один единственный звук, скрежет плохо смазанных петель. Животные рванули скоро, да так, что мигом сократили половину расстояния до бегущих. Пришлось выбирать, соревноваться честно и один черт погибнуть на этом заплыванном и залитом кровью полу, или попытаться вырвать свой единственный шанс.

Полковник приотстал и что есть духу вмазал свободной ногой по ахиллову сухожилию рядом бегущего. В глазах того смешалось недоумение и страх, острое понимание того, что вот теперь-то он точно умрет, плохо и болезненно. Но плевать в тот момент было. Цепь звенела, колодка натирала и мешала бегу. В иных условиях и ускориться было можно, но по трассе трос тянулся, едва ли не касаясь земли, и пружинил при малейшей попытке отклониться, вырывая землю из-под ног. Вахитов не обернулся, когда раздался истошный крик. Собаки рвали несчастного молча, вцепившись в руку, ногу, лицо. Какая-то особенно прожорливая тварь, их же еще и не кормили перед гонками, уцепилась за бок приговоренного, и в несколько движений вскрыв брюшину, рванула прочь, сжав в челюстях кишки. Зрелище было страшным, и от этого толпа бесновалась пуще прежнего.

Они и ходили сюда именно за этим. Любое соревнование, от фигурного катания до автомобильных гонок «Наскар», посещается с одной целью. В искаженном мозгу современного человека живет вечная жажда хлеба и зрелищ, и если первую утолить достаточно просто, стоит только откусить от вожака краяхи, то со второй сложнее. Пресытился человек, хочет острых ощущений, опасности, но не для себя, разумеется.

Собаки явно не зря ели свой хлеб, если уж так можно было выразиться в данной ситуации. Отняв окровавленные морды от изгибающегося в конвульсиях бедолаги, они снова рванули вперед. В человеке быстро таяла жизнь, капля за каплей, толика за толикой, но так стремительно и бесповоротно, что невозможно было на это смотреть. Кровавая пена на истерзанном лице, черно-красная лужа крови, растекавшаяся под ним быстро и уверенно, будто так и надо...

Рев трибун глушит, но удары сердца забивают все. Казалось бы, плевое расстояние, но что-то явно идет не так. Ноги ватные, дыхания не хватает, руки трясутся мелко, движения становятся хаотичными и угловатыми.

Удар по ноге можно было предчувствовать, и потому Вахитов ушел от него без проблем. Еще один оборванец решил проделать тот же прием, что и полковник, но вышло у него это совершенно неуклюже, и он тут же за это заплатил. Кинувшись на землю, тот крутанулся на месте, поймав ногами колено противника, и выпрямил правую, метя в коленную чашечку. Визг был его реквиемом, еще один валяется на земле, а у Вахитова и, что главное, Зямы, появ-

ляется еще один шанс. Товарищ, дал же бог такого неожиданного напарника, каким-то чудом уклоняется от мощных челюстей преследователей, и собаки на несколько секунд отвлекаются от остальных, накинувшись на новую жертву. Эта секунда, это драгоценное мгновение вырастает вполне ощутимый шанс. Полковник добирается до лестницы, колодка больно бьет по свободной ноге, прыжок, и вот он уже зацепившись за нижнюю скобу подтягивается. Позади Зяма, он напуган, глаза его блестят безумием, он захлебывается кашлем, пытаясь проделать то же самое. Но нет, не достает.

Быстро прикинув шансы, Вахитов уцепился ногами за одну из скоб, свесился вниз и, схватив Зяму за грудки, рванул его вверх, будто тряпичную куклу. Тот мигом потяжелел, взвизгнул болезненно, в глазах выступили слезы. Одна из тварей успела добраться и вцепиться оборванцу в лодыжку, да так и повисла, не размыкая челюстей. Удар пришелся ей по носу, раз, другой. Вахитов бил наотмашь, заставив Зяму изо всех сил вцепиться в скобы, но монстр не собирался отпускать такой лакомый кусочек, и только последний удар, размешавший нос в кровавое месиво на секунду смутил тварь, и та разжав челюсти, в сомнении закрутилась на месте, до конца не понимая, что ей предстоит, да и не смогла бы она понять, а вот ее товарищи смекнули быстро, почуяв свежую кровь, и уже через секунду, под ногами развернулась новая драма. Бывшие напарники, охотники и добытчики, уже терзали тело одного из своих, быстро и умело, как только природа может придумать, отдавая его от жизни.

Вахитов снова сидел на цепи, но антураж вокруг поменялся. После того как довольные зрители разошлись, а собак вновь завели в загон, несколько человек выбрались на площадку и принялись елозить мокрыми тряпками, размазывая кровавые пятна. Тела утащили куда-то, видимо на корм. Ну не пропадать же добру, в самом деле. Кто-то из несчастных был еще жив, так как пока их тащили по земле, будто мясо, зацепив баграми, слышались предсмертные стоны.

Но это было тогда, а сейчас новая будка, побольше. Тут то ли кто-то жил раньше, то ли просто складировали что-то, так сразу сейчас и не разберешь. Какие-то пустые коробки, следы от крепящихся к полу ножек. Может кровати, может столы. Стены высокие, уходят под потолок, сначала и не понять, где они вообще заканчиваются, а потом взгляд упирается в побелку и будто спотыкается.

Вахитов сидел на полу, рядом примостился Зяма. Его, бедолагу, до сих пор бил озноб. Место укуса распухло и выглядело неприятно, но никто на это и внимания не обратил. Едва все закончилось, победителей окружили крепкие мужики в камуфляже, черный ствол автомата, привычного уже АК, уперся в переносицу.

Повели, на голову мешок, и вперед, только звон цепи слышен.

– Сидите тут, не отвечивайте. – Незнакомый, но ровный голос. Привык он видимо водить людей, пленных, а может и рабов. Самое главное, что никаких эмоций, ничего личного, только бизнес. Вахитов совершенно не возражал против такого обращения. Не все так плохо, вот только услышать бы тот голос снова, да с портретом сопоставить. Потолковать потом с той тварью, так, доходчиво объяснив, что вести себя подобным образом не стоит.

– Зяма, ты как?

На голове больше не было мешка, да и зачем он тогда был, Полковник особо не понимал. Наверное, один из элементов устрашения, да разве такое с ним сработает? Там и собаки-то не особо колышет, а тут на морду что-то тканевое.

– Нога болит, дядя Ваха. – Зяма поежился, сглотнул тяжело. – Будет-то, что теперь?

– Да мало ли. – Полковник пожал плечами, и попытался дернуть цепь. Сначала легонько, потом приложив усилие. После он встал, уперся ногами в стену и, что есть силы рванул, надеясь на то, что одно из звеньев все же не выдержит, и даст слабину. Но нет, цепь крепкая,

кольцо, через которое она продета, тоже выглядит добротно, так же, как и здоровенные анкерные болты, крепящие его к стенке, чуть пониже пояса. – Одно ясно, мы тут кому-то нужны.

– Не мы, а ты, дядя. – Зяма скривился. На его бледном чумазом лице появилась выстрадавшая улыбка. – Я то что, отбегался. Меня после такого и не поднимешь.

– Эй, ты это заканчивай. Мне нафиг такие настроения не нужны. – Оставив бесполезные попытки вырвать цепь, Вахитов начал осматривать свое кольцо, ища малейшие изъяны. Но нет, все опять хорошо и на совесть.

Зяма тем временем отвлекся, оглядевшись и, попытался дотянуться до пачки картона. Цепи не хватило на пару сантиметров, и новый приятель так и остался лежать на животе, бесильно протянув руку. – Вот бы подстилку, сили нет на земле сидеть. Болит все, холодно.

Так просидели до ночи. Тонкая вентиляционная щель под потолком пропускала дневной свет и воздух, и когда время суток сменилось, тюрьма стала непроницаемым черным мешком.

– Спи, Зяма. – Решил полковник. – Чего дергаться. Утро вечера мудреней.

Утро приготовило несколько сюрпризов. Во-первых, принесли еду, очень даже неплохую еду. Пара вареных яиц, кусок хлеба с маслом, миска приличной гречневой каши и стакан чистой воды, и все это на брата. На поднос даже пластиковые одноразовые приборы положили, что вообще сейчас было в диковинку. В условиях глобальной катастрофы привыкаешь орудовать своим набором, а уж за неимением последнего, и рука подойдет. Во-вторых, когда дверь вновь открылась, пришел врач. Ничего не выражающее лицо, белесые брови, расплющенный нос и темные круги под глазами. Так бы ничего его от обычного человека и не отличило, разве что саквояж и выдавший виды белый халат с кадуцеем на нагрудном кармане.

Как только он появился, охранник приказал пленным разойтись по углам, после чего протянул цепь каждого настолько, чтобы она не позволяла и шагу сделать. Автомат вновь уставился в переносицу, а владелец оружия пояснил.

– Я вообще не понимаю, что в вас, отребья, Зураб нашел, но искренне рекомендую не дергаться. Врач у нас конечно не один, и его мы в расход пустим не заморачиваясь, но патронов-то дефицит.

Вахитов пожал плечами. По его мнению, слишком много слов было сказано. И так понятно, что если на тебя нацелено оружие, то фокусов лучше не устраивать, дороже выйдет. Это в жизни всегда так, не то что в кино. Сейчас бы схватить мужика этого, отнять автомат, парой пуль развалить замок, да только так до него и дотянуться. Но это в кино, понарошку. В быту же получишь свинцовое отравление, едва кашлянешь не в той тональности. Зураб, наверное, заинтересован, но не настолько, чтобы позволять баловать своим пленным. Пленным ли? Может хуже? Пока на лоб клеймо не поставили, и за это уже спасибо.

Врач тем временем занялся Зямой. Вспорол штанину, промыл, сделал укол и, наложив какую-то мазь, намотал повязку.

– Не пачкать, не мочить. – Бросил он больше по привычке, и переключил свое внимание на полковника.

– Жалобы?

– Цепь на ноге подойдет?

– Шутник. – Доктор подтянул правую штанину, показал неприятный черно-синий синяк в кровоподтеках. Вот значит что, и он тут не гость дорогой, а просто полезное приобретение. Нельзя так с докторами, они и в мирное время ценные, коли толковые, а уж в военное, и вовсе на вес золота.

– Здоров. – Заключил безымянный доктор, собирая инструменты. – Разве что жар небольшой, да обезвоживание, отпить надо бы. К утру не помрет, я тебе гарантировать могу.

Мужик с автоматом кивнул и указал на выход.

– Топай. – Цепь вновь ослабла, давая возможность немного размяться. Вечером снова принесли поесть. Рацион тот же, но не до жиру, быть бы живу. Кормили тут явно лучше, чем в лепрозории, так пусть хотя бы Зяма напоследок пожирует.

Утром следующего дня повели куда-то. Вахитов попытался спросить, но получив ошутимый удар прикладом по почкам, быстро потерял интерес к общению. Цепь волочилась позади. И это зря, ребята. Такая штука да в умелых руках, оружие хорошее. Уметь, конечно, надо ей работать, однако понимание приходит с опытом, да и много тут охраны, слишком много. Пока шли, прошли мимо нескольких закрытых комнат, по коридору с облупившейся побелкой потолка и зелеными стенами. Под ногами мусора не валялось, но привычная для присутственных учреждений плитка была покрыта толстым слоем какой-то гари. Дальше попалась пара железных шкафов с выбитыми стеклами, показалась кадка с галькой, перевернутая кушетка. Картинка сложилась, шли по поликлинике. Из приоткрытой двери перед лестничным пролетом пахло чем-то неприятным и лекарствами. Вахитов едва успел бросить взгляд и увидел склонившуюся над человеком фигуру. Кто-то лежал на кушетке, руки и ноги были перехвачены лямками ремней. Вот рту торчал кляп. Человек в зеленой робе, с маской на лице, внимательно колдовал над его брюшной областью. Ловко летал в его руке скальпель. Мужик был не то что в сознании, он, похоже, понимал что происходит, но только хрипел. Хирургу, похоже, было совершенно плевать на это обстоятельство.

Спустились на первый этаж. Лестничный пролет с широкими фрамугами окон показался мрачным и неприятным, однако не отличался от того что было вокруг. Решетки на окнах, следы боев на стенах и потолке. В свое время это здание кому-то принадлежало, и был бой, бой не шуточный. Дыры в стенах решили не заделывать, закрыли выбитые стекла пленкой, да и только. Остались от старых хозяев полустертые граффити со странными символами, да так искаженные, чтобы не понять. Единственное, пожалуй, о чем позаботились.

Вели кстати грамотно, очень грамотно. Впереди никого не было, зато позади двое конвоиров. На пару ступенек отстают, пальцы на спусковом крючке, оружие на одиночные. Как дурачки шмалеть не будут, но и прилетит знатно. У калашникова только первый патрон идет прямо, остальные по дуге, веером. И не помечешься тут, не укроешься, а если вдруг пуля тебе предназначенная, в молоко уйдет, то останется в толстом слое штукатурки и ветхого бетона, просто завязнет, вместо того чтобы рикошетить.

Вот и спустились на первый этаж.

– Двигай. – Один из конвоиров указал в конец коридора, где похоже уже ждали. Сам коридор перегорожен, вроде как импровизированная оружейка. Только пирамида есть, зато толково сделана железная дверь, да окошко смотровое.

Вахитов кивнул, и двинулся было вперед.

– Около черты остановиться. – Произнес все тот же голос. – На колени, руки за голову, пальцы сплести. Смотреть в пол.

Под ногами, метрах в двух от препятствия полковник увидел черту на полу. Кто-то расстарался и масляной краской намалевал. Вышло так себе. Он выполнил инструкции, встал на колени. В голове мелькала мысль, почему ни наручников нет, ни чего похожего. Было тут что-то странное, противоестественное. Если бы сам полковник взялся бы транспортировать ножками пленного, то уж постарался бы не дать ему возможности размахивать руками. А ну как он это дело умеет, любит, практикует? Голыми-то руками особо не навоюешь, но натворить бед можно прилично. Тут же пришло и осознание того, почему руки не связаны. Цепь на колодке, что мешала идти, перекочевала на крюк, и тот тут же потянул ногу вверх, распластав тело на грязном полу.

– Проверь батарейку.

Что-то запищало.

– Нормально, не уйдет. Долбанет, если что, не слабо. Вот военному будет сюрприз.

А это плохо, очень плохо. Вахитов сжался при слове «военный». К нему относились не как к обычному бродяге, и это убивало элемент неожиданности.

Смотровое окошко открылось внутрь, пара заинтересованных глаз появилась и тут же пропала. Боковым зрением, не поднимая головы, полковник скорее почувствовал, чем увидел, какое-то шевеление.

– Экий ты забавный.

Сказано это было с легким, почти неуловимым акцентом человека, давно уже не говорящем на родном языке. – Откуда ты на нашу голову? Больно уж вид цветущий, чтобы кто тебя в гадюшник привел.

– Чего хочешь, командир?

Парировал в ответ Вахитов.

– А он еще и борзый. – Человек с акцентом довольно мягко рассмеялся, однако за смехом этим таилась сталь и боль. – Мне такие нравятся. Прямые, до мозга костей правильные. Оборванца своего схватил, допер почти на себе. Бойца из строя вывел, нормально так, грамотно, потом второго. Своим время отыграл. Да и морда у тебя круглая да белая. Ты явно не из Николаевских, они по одному не ходят, а больше тут силы кроме моей и нет, поди. Лужские конечно могут пожаловать, но у них все расписные. Остальные ушли, кто в сторону Ростова, кто еще куда. Там теперь торгаши в почете. Один купил, другой продал. Рынок пакостный. Никакого тебе понятия от том, что делать надо. А у меня тепло, сухо, и своя станция атомная. Ну, ты уже догадался.

Лет за семь до катастрофы начали комплектовать некоторые особенно нужные учреждения подобными агрегатами, и Вахитов о том прекрасно знал. Делалось это министерством обороны, однако сами агрегаты требовали как минимум технического обслуживания раз в пятилетку, и нужно было держать при них определённый штатный персонал. Да и потом, стоили они как половина космической программы, так что сделано их было в лучшем случае с десятком экземпляров. Один для Москвы предназначался, другой для Питера, остальные разошлись по городом да весям, в особо нужные и стратегически важные районы. Суть такого агрегата была в том, что при минимальном наличии обогащённого урана он выдавал ровно столько мегаватт, сколько требовалось для того чтобы одна военная часть, с личным составом, утвержденным для времени военных действий, могла существовать без посторонней помощи от семи до двенадцати лет. И это если эксплуатировать его в хвост и гриву. Многие тогда слюну пустили, несколько арабских стран истереть начало, ОПЕК пошел пятнами, но наши заверили, что хрен кому дадут разработку. Никто, конечно, не поверил, но галдеж успокоился, а тех пытливых журналистов, что загорелись о чуде современной инженерии рассказать, уговорили деньгами или пулей. Последнее конечно было проще и надежнее. Неужели и у Зураба такой вот экземпляр? Вот значит, откуда волосатая лапка. Тогда понятно, почему к нему бойцы стекаются, да он такую силу имеет. Не может себе никто позволить такую роскошь, он может. Много сейчас можно отдать и за возможность почитать после десяти вечера, и старенький фильм на дивиди посмотреть, и бойлер подключить, чтобы в горячей водичке ножки попарить. Тут у него жизнь, да не уж-то для всех.

– От меня-то, что хочешь?

– Да пока не знаю. Расскажи мне, кто ты, откуда, что твое командование хочет, а я подумаю, сделать ли тебя инвалидом или просто пристрелить. У нас же просто все. Косяк за тобой, отдавай руку, два косяка, ногу можно забрать. Ты без ноги-то, да без руки много убежать сможешь? Можно еще на ринг, на бега, на охоту. У нас тут знаешь как весело? Весь северо-запад тут морду макает. Я им зрелища, а они мне патроны, консерву, стволы новые со складов. Никто не умеет так руку на пульсе держать, как Зураб. Вот так-то вот, вот так.

– Ну а что я тебе сказать могу? Заблудился. Завернул не туда.

– Да ладно! – Зураб довольно хохотнул. – А ты еще и смелый. Ну, ничего, смелости твоей скоро поубавится. А ну, ребята, вниз его и дайте кличь, что скоро будет охота. Тебе вечером зайдут, расскажут, что и как. Паек опять же дополнительный. Выживешь на охоте, так почет тебе и уважуха. Отпущу тебя, на все четыре стороны. Или к себе приглашу, у нас тут в чистой зоне собаки нужны, такие чтобы не только на пол гадить могли, но и машину подогнать.

Видимо посчитав, что шутка вышла очень удачной, Зураб довольно рассмеялся.

– Только вот не просто я тебя такого красивого пушу. Мне подстраховка нужна. Скажем, будет у тебя сюрприз, а парням охота двойная. Вот же ж потеха.

Громко хлопнуло смотровое окошко, и тем местный король показал, что аудиенция окончена.

– Ну, вставай. – Крюк пошел вверх, и ногу пронзило острым электрическим разрядом.

Вот, значит, почему без наручников. Совсем они охренели со своим источником питания. Небось, время придет, будут к причинному месту фонарик прикреплять, чтобы в нужнике не промахиваться.

Вахитов вспомнил время проживания в лепрозории. Как стучал зубами по ночам от холода, как холодную консерву жрал и из лужи умывался, и ненависть в нем выросла лютая.

Перевели в новое помещение. То ли повысили, то ли наоборот дали отдельный присмотр, однако эта комната отличалась от двух предыдущих, и если первая была собачьей конурой, а вторая складом, то тут все больше походило на тюрьму. Была и дыра в полу, чтобы нужду справить, и решетка, толстенная, чуть ли не в пару пальцев толщиной. Имелось и маленькое окошечко, зарешеченное, как и все остальные, через которое можно было узнать какое сейчас время суток, и послушать шум толпы. Судя по доносившимся с улицы звукам, народу тут было прилично, и что самое удивительное, никто ничего не боялся. Говорили в голос, жили в силу, смеялись даже, а запахи, какие запахи проникали сквозь решетку. Аромат жаренного на углях мяса вообще ни с чем не спутаешь, а делать сейчас шашлык, это как раньше подтираться бумагой покрытой сусальным золотом. Можно, но глупо и расточительно. Камера была двухместная, туда же поселили и Зяму.

Времени оказалось достаточно чтобы, наконец, обратить внимание на кандалы на ногах, и тут Вахитов снова был удивлен. Внешне, конечно, устройство ничем не отличалось от своего стального прародителя, но если присмотреться внимательно, имело утолщение по бокам. Наверное, там и прятались аккумуляторы. Электричество, предназначавшееся для удара током, могло бы послужить добрую службу. К примеру, зарядить пару батареек для фонаря, что порой был нужен больше, чем хороший автомат в руке.

Снова принесли еду. Все то же, гречка да хлеб. Рацион хороший. Зяма похоже начал привыкать к приличной кормежке. Во всяком случае, теперь его трапеза не сопровождалась чмоканьем и урчанием. Достаточно теперь было просто закатывать глаза от удовольствия, а потом тщательно, будто собака, вылизывать миску языком и обсасывать грязные пальцы в поисках последних следов съестного.

Сидели почти три дня. За это время никто не приходил поговорить, а на любые вопросы охрана попросту не отвечала. Выставлялся поднос с едой, потом забирался, но ни слова не полслова никто не проронил. Видимо у Зураба и с дисциплиной тут было все хорошо. Крепкий мужик, в кулаке все держал ровно так, чтобы рыпаться не начинали, но чтобы и сквозь пальцы не просочились, если нажать посильней. Один вопрос, что же тут вообще происходило?

Единственный, кому плевать на все, был Зяма, в миру Зиновий. Получил он условно чистую постель, нормальный харч, и дырку в полу чтобы по большому слабиться, и это, похоже, было верхом его мечтаний. Однако Зяма кое-что знал про это место, но почему-то делиться знанием своим не собирался, и пришлось Вахитову его разговорить.

– Зяма, вот ты мне поясни за Зураба. – Вахитов сидел на полу. Койки в дневной час утягивались на подвесах в стенку, не давая заключенным возможности даже присесть на них, уж не то, что поспать среди бела дня.

– Я на тебя, дядя Ваха, удивляюсь. – Зяма снова улыбнулся, продемонстрировав острый дефицит зубов. – Ну, кто же Зураба не знает. Он же из этих, из первых, что при эвакуации были. Я тогда еще пацан был, а он уже руки грел да мясо жрал. Он тут, ты не поверишь, чистый город делал, долго делал. Ну и развлечения к нему.

– Что значит чистый город? – Нахмурился полковник.

– Да то и значит, дядя Ваха. – Зиновий пожал плечами. – Место тут есть, в самом центре. Его, считай, и не зацепило совсем. Грязи нет, радиации тоже, питьевую воду качают из-под земли, из и тех пластов что чистые, да вот его электричество. Много его у него, а у других нет. Вот и тянется сюда народ, в ножки бросается, если заплатить не может. Другие могут заплатить, но тоже не на все готовенькое приходят. Я-то родился недалеко, как раз в самую заваруху и попал. Многие тогда по углам, да щелям расползлись, а Зураб забрался на горку, да там и закрепился намертво. Пришел тогда с десятком бойцов, привезли что-то, постреляли немного, а потом и закрутилось. Лет пять город чистый делали. Дома взрывали, дороги перегораживали, строили блокпосты. Так бывало, едет трактор, чадит, бетонную чурку на тресе тащит, а рядом с десяток мужиков, да при оружии. Вот так и строили.

– Интересно, а чем Зурабу платят?

– В основном услугами. Можно сходить принести чего, или наоборот, унести. Старая денюга-то она не в почете. На кой этот кусок хлопка кому сдался, а вот вместо нее информация. Покажешь где идет караван, да с лекарствами, выкупишь себе пару недель в свободном городе, разумеется, после лечения.

– погоди, ты хочешь сказать, что лечит Зураб? – Опешил Вахитов.

– Лечит. – Кивнул Зяма довольно. – Но только своих, и только тогда, когда сам сочтет нужным. Мешает какие-то лекарства. Я сам видел как-то в щелочку, пока в отстойник не затянуло. Колет сначала шприцом, затем будто из пистолета игрушечного, и готово. Тогда помню, один из зараженных в драку полез. Один боец его по мордасам и треснул, да о зубы поцарапался. Зураб сразу смекнул. Зараженного пристрелили тут же, замораживать не стали, а вот боец то ли ценный, то ли памятный оказался. Вкололи ему все что положено, да он дальше и пошел, на своих двоих.

Ранним утром одного из дней, когда уже не определишь день недели, дверь распахнулась и пожаловала охрана. В первую очередь придавили к стенке. Начали проверять устройства на Вахитове и Зяме. Колодка зашевелилась, похоже, меняли элементы питания. Само устройство оказалось на уровень бытового шокера, разве что устроено понадежней. Элементы питания видимо подключались к двум штырям, заточенным ровно настолько, чтобы пробить голенище сапога и добраться до кожи. Едва кто-то нажимал на кнопку, как магнитный замок освобождал пружину, и штыри впивались в тело, уродуя хорошую обувь. По ним же шел и ряд, такой чтобы и не убить, но и обездвижить и вообще помешать жить спокойно. Как Вахитов не пытался все это время, но самостоятельно вскрыть колодку, без инструментов и посторонней помощи было невозможно. Разве что камнем по нему лупить, что есть духу, да где в этой камере взять камень?

Первое, что сделала охрана, так это соединила оба устройства единой цепью. Грохнула кувалда, забивая штырь в крепления сначала с одной, потом с другой стороны. Теперь Зяма стал неразлучно связан с полковником.

– Выходим. – Обронил один из тюремщиков. Остальная команда не сводила взгляда с пленных, готовая в любой момент наспиговать их свинцом как окорок чесноком.

Идти вместе оказалось не так просто. Зяма все никак не мог поймать шаг, и несколько раз чуть было не растянулся на земле, благо Вахитов подхватил. Полковник смотрел на всю эту ситуацию и понимал, что вновь началось что-то нехорошее. И не то чтобы плохое прошло, а даже наоборот, усилилось, и стало это нехорошее каким-то концентрированным вроде негативного сиропа.

Во дворе ждал грузовик, уже под парами. Вскрабавшись в кузов, Вахитов помог своему спутнику, после чего цепь закрепили на полу длинной скобой, чтобы не дергались. Разместились оба в дальнем конце кузова, рядом с кабиной. В отдалении, на дощатых скамьях, рядом с откидывающимся задним бортом уселись охранники, и теперь при ясном свете можно было их, как следует рассмотреть. По большей части, бандиты, таких очень просто отличить по повадкам, да наколкам на руках. У одного и вовсе обе кисти были почти синие от загнанных под кожу чернил. Был и один, похоже, военный. Комок старый, но чистый, выглядит опрятно, насколько вообще можно себе это сейчас позволить. Выбрит, коротко подстрижен, даже ногти не грязные. От коллег держится не то чтобы особняком, а как-то чуть в стороне. Сосредоточен, внимателен, остальные будто на прогулку собрались, а этот честно работает.

Промелькнула стена чистого города. Оттуда даже пахло по-другому. Никаких помоев или нечистот. Вроде бы даже Вахитов звук фонтана различил, но разве будешь уверенным за гулом работающего двигателя. Отметил еще и вот что. Не было трупов, ни в лепрозория. Чистили, боялись заразы, как от разлагающейся плоти, так и от Супердряни. Даже по тюремной комнатке мухи не ползали, и пахло хлоркой. Все серьезно. Антисанитария, это рассадник инфекционных заболеваний. Будешь жить в грязи, подохнешь быстро, так что убирай за собой, мойся, подметай улицы, относись отходы в мешках куда подальше, и вообще блюди гигиену всего. Чистота – залог здоровья, и это совершенно не пустые слова.

Попался на глаза и странный объект, от которого видимо и шло электричество, только похож он был больше на макет. В бытность свою работы на фармацевтическую компанию, Вахитов насмотрелся на силовые агрегаты. Там все было как-то по уму, из качественных материалов, с изоляцией, сопровождающими надписями на нескольких языках, предлагающие не совать мокрые пальцы к оголенным проводам. Тут же сарайка, хоть и побеленная, да с десяток бойцов, скучающих под ее стенами. Может внутри и есть саркофаг, от радиации, но что-то с трудом верится. Может и по-иному устройство сделано, по всем нужным параметрам. Вспомнилось еще, как можно было такую уйму энергии найти. Мини-подстанция это роскошь невероятная, и почти фантастическая история, однако был и совершенно реальный кандидат, энергоблоки для спутников. Их было знамо больше, а при условии, что по области много было серьезных ракетных частей, и пара даже относилась к Военно-Космическим Войскам, вот там, наверное, и можно было это нарыть в немалых количествах. С боем, разумеется, с пробуксовкой, но достать.

Зачем врать Зурабу? Да для того чтобы пыль в глаза пустить. Мол, он настолько крут, что все у него в лучшем виде. Отвести лишние глаза от истинного источника питания, а заодно и каналов, по которым его можно достать. Вот теперь стройно, теперь почти хорошо, можно и поверить.

Охранялся периметр знатно. Проехали аж три КПП, и все организовано грамотно, тщательно. Несколько раз заглядывали в кабину. Военный что-то говорил, показывал бумагу в мелких каракулях, с большой синей печатью, после чего машину пропускали дальше. Слышался лай собак и гул генераторов. По звуку, использовались большие дизельные, четырехтактные. Двухтактные китайцы наверняка были, но те не особо надежные, быстро ломается пластик на стартере. Пошел город, пустой и безлюдный. Тут когда-то был центр, деловой район. Кафе и офисы, модные магазины, салоны связи и кальянные, набравшие перед катастрофой популярность. Теперь даже намек не осталось, а люди, родившиеся после случившейся трагедии, вряд ли вообще поймут смысл некоторых надписей. Урал встал, охрана спрыгнула, и пришлось

вылезать наружу, но тут новая сложность. Сначала Зяму затащи, потом спусти аккуратно, причем, сидя на дощатом полу кузова, а то цепи едва хватает. Вахитов справился и с этим, и огляделся. Зрителей тут не было, а вот участников заметно прибавилось. В отдалении стояли три внедорожника. Здоровенные, американские пожиратели дорог и топлива. Владельцы их еще любили клеить на задний борт или бампер наклейки, рассказывающие насколько им плевать на экономию горючки. Жрали эти монстры за троих, были неповоротливы в городе, вот только теперь переоборудованы они были весьма прилично. Стальные пластины защищали колесные арки. Вместо обычной резины стояла чуть ли не тракторная с грязезацепами. На блестящих хромированных бамперах, прикрепленных к раме, появились нештатные лебедки.

Претерпела изменения и кабина. Теперь там стекол не было. Вместо них что-то вроде жалюзи. Конечно, не особо и порулишь из такой комнатухи, но зато можно быстро закрыть, и тем не получить нежданчик в лоб. Выхлопные трубы вывели повыше, задрали вверх рас-трубы для воздушного охлаждения. Да, знатный получился транспорт, такой, небось, и плавать может, если сильно постараться, а если взять тот же пикап, то приличный груз на себя возьмет. Расход бензиа, правда, смущал, но сейчас было явно не до того. Пока жалюзи на лобовом были открыты, можно было различить, кто сидит внутри. Вот это совершенно не военные, не бандиты и даже не те несчастные беженцы. Тут фигуры иного толка. Если сравнивать с шахматными, то больше ферзи чем пешки. Расстояние до них было приличное, так что толком разглядеть что-то не выходило, однако едва Урал прибыл, как с пассажирского места одного из монстров выбрался тип в годах, лет под шестьдесят, такой весь аккуратный и розовый, что даже тошно стало. В руках он держал ружье с оптикой, от калибра которого Вахитову стало не по себе. На руке человека блеснул дорогой золотой браслет, цацка бесполезная, разве что для статуса сейчас ее носят. Правда и раньше для этого носили. Некоторые вещи в этом мире не меняются.

После короткого разговора, мужик снова погрузился в свой навороченный внедорожник, спешно захлопнув дверь, а охрана вдруг отступила и попятилась к своему транспорту. Остался только молчаливый. Оглядевшись по сторонам, он двинулся к Вахитову и, не дойдя пары метров, встал будто вкопанный.

– Значит так. – Произнес он. – Сейчас пойдет потеха. Тут два квартала. Все входы в здания заминированы. Полезете туда, рванет, так что в полете переобуетесь. Это пока понятно?

– Да чего тут непонятного. – Вахитов пожал плечами.

– Вот и хорошо. Так проще будет. – Молчаливый прищурился, и довольно усмехнулся. – Люки заварены. Вам, олухам, надо дважды обежать вокруг квартала, и тогда может что-то выгореть.

Что-то зажужжало, качнулся воздух. Из ниоткуда появились пара квадрокоптеров и зависли над трассой, шаря по окрестностям, закрепленными на них объективам. Видимо Зураб расстарался, решив предоставить своим гостям одно из извращенных развлечений. Однако, если одни могли позволить себе лично ствол в руках потискать, то вторые могли только смотреть. Небось, еще и транслирует сейчас куда-то на большой экран, или здоровенный телевизор.

– А в чем подвох?

Молчаливый снова усмехнулся.

– Вон, видишь тех мажоров. – Кивок в сторону стоящего под парами транспорта. – Вот они подвязались вас двоих этой чести лишить. Действовать так надо. Вам дается пять минут форы, затем идут охотники.

– А как же цепь? – Полковник указал на сталь, связывающую его с притихшим Зямой, который похоже окончательно врубился в ситуацию и окончательно потерял крохи хорошего настроения.

– А это бонус от Зураба. Он сказал, коли это твой кореш, так пушай он с тобой и побегаёт, а то у него рука не поднимается, разбить такую чудесную пару.

Все это время, молчаливый не дал Вахитову даже возможности хоть как-то двинуться поближе. Рука его спокойно лежала на спусковом крючке, предохранитель автомата стоял на автоматической очереди.

– Как прозвучит сирена, так и начнем. – Бросил он на ходу и отошел на безопасное расстояние.

– Что будем делать, дядя Ваха? – Зяма, сбитый с толку и напуганный, в замешательстве топтался на месте и, казалось, в любой момент готов был сорваться в штопор паники. Паникующий напарник это нехорошо, а вдвойне отвратительно, если человек, который перестает соображать, ведом эмоциями, а не трезвым циничным расчетом, и пристегнут к тебе цепью.

– Поглядим. – Вахитов огляделся вновь. Кто-то постарался тут на славу, устраивая трассу для смертельного забега. Часть подъездов наверняка были заминированы, о чем и предупредил инструктор. Машины растащили и поставили одна на другую ровными пирамидками. У Зураба наверняка был в хозяйстве и погрузчик. Вручную такую красоту не наведешь. Вся улица, когда-то называвшаяся Бумажников, совершенно спокойно простреливалась, а вот что было за поворотом квартала? Добежать бы до этого спасительного поворота, а там видно будет.

– Так что делать? Дядя Ваха!

– Бежать, Зяма. Ты бегаешь хорошо?

– Расстараюсь.

Прозвучал сигнал, загуляв по стенам домов и закоулкам, ударив по ушам, и, не стовариваясь, Вахитов и оборванец побежали по улице.

– Держись машин. – Крикнул полковник. – Ближе к зданию. Вдруг лаз найдется.

Зяма молча кивал и хватал ртом воздух. Да уж, подготовка у него имелась, но очень вялая. Чтобы не улететь с цепью на землю, Вахитову пришлось сдерживать прыть. Пять минут бежали так, будто это и не минуты были, а секунды. Едва беглецы добрались до поворота, как взревели и тронулись с места внедорожники. В амбразурах замаячили стволы винтовок с оптикой. Охота началась.

Теперь каждый миг, каждый шаг или удар сердца были сродни золоту. Выскочив на перекресток, полковник шумно выдохнул и, схватив приятеля за воротник ветхой одежки, придал правильное направление. Метрах в двухстах, в стройном ряде автомобилей виднелся небольшой проем. Попавший в нижний ряд внедорожник оказался крупней своих товарок, и когда складывали автомобильные кузова рядами, получился небольшой лаз, в который и можно было проскочить, а вот за лазом был жилой дом, высокая точка, вполне возможно и не обложенная гранатами.

Проем оказался ровно таким, как и представлялось, и Зяма проскочил туда первый, сразу смекнув, что надо делать, но вышла новая сложность. Вахитову пришлось залезать вперед ногами, чтобы попросту не застрять с цепью, а это оказалось весьма непросто, да и времени потеряли пару драгоценных секунд. Что-то больно резануло по плечу. Полковник протиснулся внутрь и вскоре оказался в узком проходе между ржавыми машинами и зданием.

– Вон он. – Зяма уже уцепился за деревянную раму подвального окошка. – Сюда.

Внедорожники на полном ходу пронесли мимо, поднимая колесами тучи пыли. За ними рассекли воздух квадрокоптеры, пилоты которых, усевшись в креслах и сжимая в руках пульта своих крохотных воздушных судов, внимательно следили за трагедией.

Вахитов бегло осмотрел плечо. Ничего серьезного. Порван рукав, на предплечье глубокая, но совершенно не смертельная царапина. Грязи тоже нет, но надо при случае обработать, хоть спиртом. Не вышло бы заражения. Зяма тем временем внимательно осматривал раму.

– Круто, дядя Ваха, эту лазейку и пальцем не тронули. Вон, аж краска осталась от старого режима.

– Подвинься. – Подобравшись к окошку, Вахитов осмотрел его и пришел к тому же выводу. Парни у Зураба были толковые, но самонадеянные и ленивые. Видимо решили, что беглецов настолько будет трясти от страха, что им и в голову не придет сюда сунуться, а, может, и просто не обратили внимания. Оставалась, конечно, вероятность того, что вот такие обходные маневры давались по правилам игры, но в личностную порядочность Зураба совершенно не верилось. Кто-то тут накосячил, и это хорошо.

С рамой справились быстро, потом снова провели аттракцион по пролезанию вперед ногами. На этот раз первым влез полковник, вновь лишившись частички одежды и задев царапину на руке, а за ним последовал и Зяма.

Приятная прохлада подвала дала секундный отдых, но времени было очень мало. Навернув полный круг вокруг двух кварталов, что с мощностями автомобилей, весьма быстро, охотники вернутся на трассу и начнут обшаривать кусты. А у них оружие, то чем сейчас сам Ваха похвастаться не мог.

В первую очередь нужно было как-то избавиться от цепи, и даже не разомкнуть колодку, а хотя-бы повредить сами звенья, но вышел новый сюрприз. Подбрав на земле гвоздик и выставив ногу так, чтобы солнечный луч падал на лодыжку, Зяма принялся копать в механизме. Раз, и нога свободна, и только два припухших укола на коже, рядом с укусом пса.

– Офигеть. – Порадовался в полголоса Вахитов, увидев такие чудеса. – Да ты полон сюрпризов. С моим так сможешь?

Зяма согласно кивнул и засопел над устройством на ноге полковника. Щелчок, и оно упало на землю, и вовремя. Два стальных шипа дернулись, выбравшись наружу, и по ним пробежал электрический разряд. Как-то долго они. Может сигнал не проходил и что-то мешало. Видимо и Зураб не настолько всемогущ, как хочет казаться. Да и Зиновий удивил, показав, похоже, один из многих своих криминальных талантов. Вскрыть замок гвоздиком, это вам не фунт изюму. Тут практика нужна, и ловкость пальцев.

Звук двигателя в таких условиях слышен идеально. В тишине вообще много чего слышно, когда звук бьющего сердца, да гул в ушах не мешают. Именно потому нельзя вот так вот просто передвигаться по местности. За пару километров тебя могут углядеть и угостить чем невкусным.

– Выбираться надо. – Вахитов приник к окошку, наблюдая, как подкатывают внедорожники. Еще чуть-чуть, и преследователи начнут догадываться, куда делись беглецы, и вновь начнется охота.

– Как? – Зяма растеряно крутил головой. Гвоздик в его руке сослужил службу и теперь оказался бесполезным.

– Сваливаем. – Полковник шустро двинулся по подвалу и, добравшись до первой лестницы, затих, прислушиваясь. Очень уж тут все было хорошо. Ровненькие ступеньки, не пыли, ни тряпья, ни другого мусора. Будто кто прибрался предварительно. Скоро стало понятно, откуда взялся лоск. Посреди лесенки, ведущей на поверхность проходила чуть заметная бечева. Тонкая ровно настолько чтобы не увидеть сразу, и прочная, чтобы помочь чему-то, к чему она прикреплена, сработать без помех. Переступив через бечевку, Ваха снова присмотрелся. Дверь на петлях, они смазаны. Следы масла видны и делалось это относительно недавно.

– Куда. – Вахитов отмахнул Зяме. – Не сюда.

– Что там?

– Растяжка. И за дверью может чего висит.

Следующий подъем оказался пыльным, грязным и таким как надо. Даже дверь получилось отодвинуть с трудом. Найдя длинную палку, оставленную кем-то и положенную вдоль

стены, Вахитов надавил на дверь и тут же юркнул вниз, под защиту бетонного укрепления, но ничего не произошло. Зато ступеньки расчертил луч дневного света.

– Плохо.

– Что плохо?

– Дверь в подъезд или открыта, или нет ее совсем. Видишь, как свет падает. Если сразу сунуться, то можно схлопотать. Значит, делай что я.

Снова подтолкнув дверь, Ваха прислушался, но преследователи, видимо, заняты были поисками и все еще не смекнули, куда же подевались их жертвы. Ну, что же, пацаны, ваше право. Бегать по кругу, это не для человека, а для циркового пони.

Некоторое время понадобилось на то, чтобы глаза вновь привыкли к свету, и, убедившись, что есть тут мертвая зона, Ваха проскользнул на лестницу к первому этажу. За ним стелился Зяма. Шел он аккуратно, будто кошка на мягких лапках, припадая то к стене, то к поручням. В общем, правильно парень делал, собрался, наконец. Может и выйдет что. Главное, чтобы прокошенная нога не подвела.

Добравшись до второго этажа, полковник убедился, что окошки подъезда свободны от враждебного вмешательства, и, подтянувшись на подоконнике, осторожно посмотрел вниз. Вот оно счастье, вот она радость. Ну, нельзя же быть такими идиотами. Видимо привыкли, что никто из жертв зубы показать не может. Внизу наблюдалась явная ошибка, жуткий тактический просчет. Основная группа покинула автомобили и теперь рыскала метрах в трехстах, проверяя закоулки. Начали постреливать по авто, так больше, на удачу. Около машин остался всего один боец, да и тот, похоже, заскучал. Автомат отставил, сидит на подножке внедорожника. Снял шлем и даже закурил. Ни охота тебе, а курорт. Еще бы поляну начал накрывать, да водку разливать.

Машины встали так, что перегораживали собой весь проезд, а заодно начисто закрыла обзор. Дальше все было просто, по крайней мере, для Вахитова. Скользнув вниз, он снова вернулся в подвал, резво проскочив мимо вновь «потерявшегося» напарника. Взяв палку, которая оказалась весьма пригодна для разминирования, он зажал ее между железными ступеньками и надавил. Очень скоро в его руках оказались два удобных бруска, ровно такие, чтобы легли в ладонь. Найденную под ногами проволоку, которую обронил кто-то из прошлых посетителей, Ваха начала наматывать сначала на один чурбачок, а затем на другой, пока свободным не осталось сантиметров тридцать. Подергав и убедившись, что конструкция получилась такая как надо, полковник довольно усмехнулся и снова выбрался на лестницу.

– Зяма.

– Что, дядя Ваха?

– Вот сейчас ползем наружу, как раз за транспорт. Я займусь охранником, а ты мухой обползи два дальних корыта, да ниппеля выкрути. Справишься?

– Как два пальца об асфальт.

– И не высовывайся. Зад ниже, башка целей.

Дальше все было делом техники. Ваха проскользнул между правым колесом седана, что при жизни, видимо, попал в аварию, да так, что шрус из коробки вырвало. Произошло это, как сейчас выяснилось, весьма кстати. Можно было подползти под колесом, немного его отодвинув, вместо того чтобы наводить шум и гроыхать по салону.

Человек что сидел на ступеньке, самозабвенно курил и то ли не знал правил безопасности, то ли решил их игнорировать. Странно это. Ему бы ушки на макушке держать, а тут такой расслабон. За каждое неосторожное действие своя расплата.

Подобравшись сзади, Ваха накиннул проволоку на шею бойца, и резко крутанул, сдернув противника на землю. Шума вышло совсем немного, да и бывший охотник, а теперь вполне реальная дичь, не смог толком сопротивляться. Усилие вдавило горло, сминая трахею, немного терпения, и человек затих. Теперь быстро экипироваться.

Подоспел Зяма и отрапортовал, что обе задние оси указанной колесной технике ныне разукомплектованы на сущий пустячок, ниппель. Можно и колеса было прорезать, но это бы наделало лишнего шума. Не громко, но Ваха бы сам приметил. Прорез заметили бы, и машины могли или бросить, и двинуться на своих двоих, по следам беглецов, либо начать менять резину. С ниппелем, а точнее его отсутствием, сначала понять надо, что вообще произошло. А это время, драгоценное и необходимое.

Вот только дальше двигаться пешком Вахитов не хотел. Транспорт был уж больно хорош, такой так просто не возьмешь, а если действовать нахрапом, может и сростется чего.

Из вещей покойного полковник забрал автомат, боекомплект и пару гранат. Так же пришла по вкусу и разгрузка. Хорошо было бы сменить и ботинки, но вдруг не подойдут, да потом еще шнуровать. Снял так, опустил в кузов. – Потом примерю.

Дальше оставалось дело за малым. Забравшись в салон, Ваха с удовольствием расплылся в улыбке, с каждой секундой теряя остатки неуверенности. Ключи оказались в замке зажигания, оставленные тут будто нарочно. Нет, самоуверенность, это такая штука, которую следует потреблять маленькими порциями, иначе, не ровен час, обделаешься. Зяма скользнул на соседнее сидение, радостно озираясь по сторонам.

– Ну и дела, дядя Ваха.

– Ты лучше вот что скажи, ты эту часть города хорошо знаешь?

– Ну, вроде знаю. Я тут раньше ошивался, пока в лепрозорий не прописали. Там на пересечении с Бумажников, два Газа стоят. Вроде бы и не проехать, если только со всей дури, однако там секрет есть. Мы с парнями в отсеке левого хабар разный прятали. Там двигателя нема.

Авантюра вырисовывалась жуткая, но это, похоже, был единственный шанс. Команду на трех, простите, теперь уже на двух внедорожниках, обыграть было просто невозможно. Либо числом возьмут, либо дальностью стрельбы, а то, что тот пожилой тип, что первым засветился, стреляет хорошо, в том Вахитов почему-то не сомневался. Другое дело скачок, нахрапом. Отжать по тихому авто, утопить педаль акселератора в пол, да пробить нужный ГАЗ. Он конечно тяжелый, но и этот транспорт отнюдь не пушинка. Может, рванет где, может, застрянет или забуксует, но воевать теперь можно, ибо АК под рукой. Шанс есть, шанс мизерный, и в нормальной обстановке Ваха даже не решился бы на такое сумасбродство, а теперь, вон как оно все повернулось.

– Держись.

Вахитов повернул ключ зажигания, хрустнула первая передача, и внедорожник резво сорвался с места.

Бойцы впереди заволновались, кто-то даже успел дать пару очередей по казенному транспорту, но не тут то было. Он предполагался для гостей, и механики и жестянщики Зураба подготовили его на славу. Пули из АК бессильно застучали по толстому металлу. В какой-то момент эти идиоты поймут, как надо действовать, так что мешкать не стоило. Пронесшись по улице, уже на третьей, нещадно раскручивая двигатель, да так что стрелка тахометра плотно засела в красной зоне, Ваха вылетел на нужный перекресток и, что есть силы, снова вжал педаль.

Транспорт попер на преграду, как скорый поезд на переезд. Быстро, уверенно, и совершенно бескомпромиссно.

– Левый ГАЗон, дядя Ваха, левый! – Зяма приобрел землистый оттенок и попытался слиться с обивкой салона.

Вахитов вильнул и хромированный бампер внедорожника пришелся в переднюю ось преграды. Тряхнуло так, что мама не горюй, сработали подушки безопасности, передние стойки просели, руль дернулся и осел в руках, однако автомобиль продолжал свой путь. Вести его теперь было совершенно невозможно, мешали подушки безопасности. В руку скользнул перо-

чинный нож, с трудом вспарывая прочный материал. Воздух забил запах сработавших пиропатронов.

Стрельба позади усилилась. Начало припекать. Все еще спасал кузов, но он уже превратился в подобие дуршлага. Хоть макароны процеживай, да где же, мать его, взять столько макарон? Со своей подушкой получилось справиться без труда, но руль не слушался. Похоже, переломилась рулевая колонка, что часто бывает при аварии, сработали все системы безопасности автомобиля, и, надо отдать должное, автомобиля хорошего. Однако пока отчаянно везло, ровный прямой участок трассы шел прочь из города. Патрулей тут, похоже, не было. Наверняка Зураб выставил с десятков наблюдателей с рациями, так что из самого города выбраться не получится. Транспорт надо бросать.

Зяма выпросил нож и выбрался из-под подушки.

– Что теперь, дядя Ваха?

– Теперь я педальку прижму, ну хоть вот этой книжкой. – Из бардачка показалось потребная инструкция по эксплуатации автомобиля. – И валим. Машина пройдет еще метров сто, а потом либо в стену войдет, либо еще куда. Дальше дорога неровная.

Сказано, сделано. Спешно покинув вдруг рванувший с места транспорт, полковник покатился по земле, стараясь особо не использовать в этом хитром маневре собственный лоб и затылок. Неприятный свист пуль над головой не радовал, но было уже понятно, что стрелки опять их потеряли. Убедившись, что Зяма уже схоронился за горой мусора, Вахитов скользнул за ближайшую бетонную тумбу, где когда-то росли цветы, и пронаблюдал как два квадрокоптера, будто соревнуясь друг с другом, пронеслись за летящим в стену дома автомобилем.

Дело сделано. Неужели получилось? Свечку надо поставить в церкви, пуда в четыре, а лучше пять.

Зураб жил и боялся. Он боялся постоянно, чувствуя, что откусил такой кусок, что не прожевать, а некоторые ему не давали это забыть, и делали они это с завидным постоянством. Начал Зураб с банального грабежа, увел у военных парочку энергоблоков для своей карликовой империи, вывез их, при помощи своих бандитов, закрепился кое-как в ненужном никому городе, на границе с которым только начал прокладываться ныне существующий тракт, и организовываться рынок. Как только те же Лужские, бандитская группировка с Юга, поняли какой лакомый кусочек отхватил вор-рецидивист, они решили по-быстрому отжать территорию. Сделали крюк, подошли к городку, а потом развернулись и потопали назад. Виной тому были войска. Человек триста, в полной выкладке, при поддержке танков, встали на пути бандитом, и очень внятно объяснили, что данная территория совершенно не для них. Тут свои интересы и свои законы, а тот, кто эти законы нарушать будет, тому точно не снести головы. Лужские поинтересовались, насколько далеко это распространяется, и получили еще с десятков трупов.

Войска окружили городок, их командир потребовал главного. Не на шутку струсивший Зураб собрался было дернуть, собрав золотишко, да пару верных уркаганов, да не смог выбраться, свои же не дали. Дальше в грязь лицом падать было нельзя. Выкрутившись еле-еле из этой позорной ситуации, Зураб взял несколько бойцов, и попрощавшись с жизнью, ушел на переговоры.

Военные выбрали ангар, на семи ветрах, на выезде из города, нейтральную территорию, на которую даже полевые мыши не претендовали, завели тут местного князька, и долго с ним толковали. О чем уж там шел разговор, Зураб так и не признался. Отмалчивался только, а особо любопытствующие быстро пошли в расход, но вернулся он оттуда уверенным в собственных силах, с горой стволов, и техники.

После этого пошли новые караваны, в основном с рабами, и куда, совершенно не ясно. Люди сопровождавшие такие «посылки» редко возвращались назад. Зураб говорил с каждым из них отдельно, щедро отсыпал хабара, сулил женщин, наркотой снабжал. Давал каждому то

что нужно, и даже то, о чем только в мечтах грезилось. Так и повелось, Зураб встал на этой земле, и остался там, закрепившись надолго. Страх только остался, помнил вор о том, что если не выполнит он условия договора, то по его новому миру пройдет танковая колонна, и разотрет его в пыль, в землю траками втопчет.

– Ну, ты, Зиновий, молодец!

Вахитов рассматривал трофеи, которые прихватил с собой добровольный помощник Зяма, и отмечал, что многое из этого полезней порой, чем то же оружие или патроны. Нашлась карта местности, вполне себе свежая. Какой-то добрый человек прочертил несколько тропинок, указав точные координаты чистого города. Так же были покрыты зелеными полосками с пятак спальных кварталов. Угадывался и зачумленный район, обведенный черным карандашом.

Нашлась и аптечка, что было весьма кстати.

– Зяма, а это что?

– Да пес его знает.

В руки Вахитова попало два предмета, упакованные, продолговатые. Один оказался хитрым шприцем, а вот другой больше походил на гильзу. Рядом в упаковке был и медицинский пистолет. Отчетливо читалась маркировка В-45.

Всплыло что-то в памяти, то ли шприц сначала, потом тубик, то ли тубик, потом шприц. Решив прибегнуть к крайний случай, Ваха быстро обработал рану на плече, а затем аккуратно поместил ценные медикаменты назад в упаковку. Досталась по наследству и рация, главным преимуществом которой было то, что она осталась настроена на нужную волну. Огонек заряда подмигивал тревожно, по-хорошему стоило подключить ее на подзаряд, да вот некуда. Эфир радовал. Наполненный матом и техническими подробностями, он сообщал о том, что улей-то разворошили. Ревели команды, слышалась стрельба, порой весьма ожесточенный бой происходил. Интересно, с кем это на своей территории воевали бойцы Зураба? Однако, как бы последний не был крут, но обшарить весь город быстро у него не получится, и это давало пару часов передышки. Едва в эфире шла информация по улице, как Ваха и Зиновий перемещались в соседний дом, аккуратно замечая следы. Так продолжалось некоторое время, после чего благополучно стемнело, и появилось пара часов для сна. Даже на своей территории бандиты предпочитали не гулять по улицам по ночам, особенно понимая, что есть где-то в темноте противник, который с удовольствием в тебя пулю другую да всадит. Фонари тоже перестали пользоваться. Есть все-таки у них зачатки интеллекта. Напряг их Ваха, дал хорошего леща, и мозги на место вправил.

Праздновать победу, впрочем, было рано. Передых передыхом, но и жрать что-то надо. С водой было попроще. Естественные углубления на крыше здания сохранили пару относительно чистых луж, а найденные в аптечке таблетки опреснителя, дали вполне приличное питье. От жажды умереть сложно, однако все еще стремно пить. Была бы хоть фляга вискаря или спирта, что совсем другое дело. Разбавил водичку и пей в относительном спокойствии. Теперь спать. Один воронкой кверху, второй на посту, и бдит, а через пару-тройку часов меняются.

– Я первый покараулю. Ложись давай. – Настраивал Зяму на верный лад полковник. – А ты, как встанешь на пост, мордой не свети. Слушай больше. В тишине звуки, знаешь, как издали слышны?! И главное запомни, едва невольно стало, в сон клонить начало, сразу меня буди, не миндальничай. Мне спящий часовой не нужен. Лучше я постою, тебя подменяя. Понял?

– Да чего тут не понять, дядя Ваха. – Зяма согласно кивнул и, устроившись на полу, подложил под голову кулак. Спать ему так было не в первой, так что буквально через несколько минут раздалось мирное сопение.

Ночь прошла спокойно. Зураб трезво оценил обстановку, посчитал видимо потерянное снаряжение, и чтобы не устраивать лишней истерики, решил бойцов в ночь не пускать. Не мог же он снабдить их ночниками, всех поголовно? Всем ресурсам и возможностям есть разумный предел. Да и воевать по ночи надо еще уметь.

К утру пришел голод, и если весь прошлый день держались на старых дрожжах, то ближе к шести, когда начало, наконец, светать, желудок полковника предательски разговорился.

– Что делать будем, дядя Ваха? – Вставший ни свет, ни заря, Зяма кипел жаждой деятельности, и даже нога, обработанная обеззараживающим и перевязанная чистым бинтом из аптечки, похоже, мало беспокоила. Моральный дух оборванца, впервые за долгие годы, вскарабкался на новую высоту.

– Как что, валить из города. Мне в один населенный пункт надо позарез.

Вахитов вдруг понял, что стремительно теряет силы, и осел на землю. Таблетки, комплекс таблеток, которые прошлый полковник завещал ему для останковки вируса, видимо окончательно вывелись из организма с потом и мочой.

– Дядя Ваха, дядя Ваха! Что чувствуешь? – Зяма подхватил товарища и, приложив немало усилий, опустил его на землю. Полковник весил килограмм на тридцать больше чем его новый компаньон.

– Кружится все, в голове ухаёт. – Поделился Ваха. – Мерзко как-то, но вроде на Супер-дрянь не похоже.

– Много их разновидностей. – Развел руками Зяма, но в голосе его сквозила тревога. – Одна вообще мозг выключает, бродишь припадочный, будто труп ходячий. Другие заставляют кровь кипеть, третьи делают кости ломкими, и это далеко не все. Надо тебе укольчик, дядя Ваха.

Когда Вахитов очнулся, он долго не мог сообразить, где он находится и что произошло. Картинка прошедшей недели казалась какой-то нереальной, будто привидевшимся ночным кошмаром. Такой можно легко забыть, как забывается все плохое в момент пробуждения. Стоит лишь встать с мягкой постели, пройти в ванную, набрать из-под крана пригоршни холодной воды и плеснуть себе на лицо. Вода смывает все, от грязи, до морока. Вода лечит. Но воды не было, в привычном понимании этого слова. Лишь кто-то смочил грязную тряпицу и приложил ее к губам.

– Дядя Ваха, ты как? А как я испугался!

Полковник прочистил горло. Место укола, куда старательный Зяма засандалил сначала вакцину, а потом видимо и антидот, неприятно саднило. Не совсем умея действовать иглой, он посадил синяк. Полагая что лекарства много не бывает, Зиновий использовал весь комплект и, похоже, был горд собой. Непонятно что, но что-то тут сработало. Слабость и тошнота, которые нахлынули изначально, ушли. Во рту все равно был неприятный вкус, но силы быстро возвращались. Они пришли буквально с первыми глотками воды.

– Долго я в отключке был? – С тревогой в голосе поинтересовался у товарища Вахитов.

– Да почти день. – Признался Зяма. – Тут патрули шастали, под каждый камушек заглядывали. Штуки эти поверху летали, так чтобы не заметили, я тебя ветошью и картоном прикрыл.

Зяма кивнул в угол, где складировал средства маскировки. Надо же, не растерялся. Увольчоч на себе не сумел, так хоть прикопал, и на том спасибо.

– Рация еще что говорила?

– Рация? – Оборванец пожал плечами. – Они, похоже, поняли, что мы их слушаем. Часа два еще бакланили, а потом кто-то, голосом сильно на Зураба смахивающий, сказал что-то про

двести четыре и все, затихло. Я включал пару раз, так только шипит. Колесики там всякие крутил, кнопки мацал. Все без толку.

– Ну ладно. – Вахитов проверил, на месте ли автомат. Все хорошо. Оружие стояло в углу, прислоненное к стенке. Там же лежала и початая бутылка воды. Жрать хотелось неистово, и это не могло не радовать. Хочешь кушать, значит на поправку пошел. Чудное лекарство, чудное и сильное. – Надо выбираться отсюда. Как это вообще сделать-то можно?

– Надо к базарчику шкандыбать, дядя Ваха. – Зяма махнул куда-то в сторону. – Там не Зурабова земля, нейтральная территория. Народ торгует, чем богат. Купцы да караваны столуются. Сделки крупные заключают, на покупку да перевозку. Я там, наверное, тебя оставлю. Дальше не потяну. Вон и лекарство чудное теперь есть.

В довершении своих слов Зяма похлопал по карману, где видимо до этого схоронил комплект антидота с вакциной. Так и есть, из рваного кармана просвечивала упаковка с надписью В-45.

– А мне там что делать?

– Как что? Наймешься в караван, ты, вон, крепкий. Оружие теперь есть, можешь кого и поохранять, а караваны, они что, торговые. Им на делишки феодальные тьфу, и размазать. Есть товар, везут. Нет товара, в обратную сторону топают. Кто пешком, кто на лошадаках. Говорят, еще по воде караваны водят, но это не проверено. В районе Кронштадта, парни мне рассказывали, вода, будто зеленым светит. Туда ни один черт никого не заташат. Потерянная земля. Дальше зараженные, как вурдалаки. Рыскают, рычаг, ум потерянный ищут. Не подступиться нынче к воде. Коли бы кто занялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.